

Станке, гоголи мене
мосс в гени ронгату
снх меку 24.2.55.
Андр

Гр
ранеца

(7 2 2 2 2)

Андр, 201

От автора

В 1956 году исполняется пятьсот двадцать пять лет со дня рождения Франсуа Вийона, одного из величайших лириков мира, человека сложной и печальной судьбы.

Есть нечто привлекательное для воображения, в характере человека, который еще до наступления какой-либо эпохи, уже самим своим существованием заявляет миру о ее скором приближении.

Вся его жизнь лучше всего может быть охарактеризована изобретенным им знаменитым выражением — "смех сквозь слезы".

Магистр парижского университета, ставший бродягой из-за того, что хотел говорить правду, и для того, чтобы ее говорить, дважды приговоренный к смертной казни, сеченный публично на Гревской площади, он был изгнан из Франции тридцати шести лет от роду, и дальнейшая судьба его неизвестна.

Около пятисот лет буржуазная критика фальсифицировала его образ и фальшивала его стихи, и пятьсот лет он был тайно и явно любим поэтами мира и простонародьем Франции.

И лишь в сравнительно недавнее время его причислили к тем немногим поэтам, от которых вся современная поэзия строит свое родословное дерево.

Поэзия Вийона, от народа взятая и народу возвращенная, в полной мере может быть оценена только в наши дни.

Его поэзия — это лирическая летопись его жизни, поэтому его стихи и биография почти не разделены, что и определило многие особенности трагедии "Франсуа Вийон".

Но великие творения творения человеческого духа, подобные его стихам, создавались великими характерами.

Поэтому показ подобного характера, во всей его личной и исторической противоречивости, есть дело во всех отношениях хорошее и для драмы вполне органичное.

Преуспел ли автор в своем намерении — пусть судит читатель.

Ф Р А Н С У А

/Трагедия/

А К Т I

Явление I

Длинная и низкая стена, почти белая от старости. Из-за стены чернозеленые вершины деревьев. Бледный день. Через стену летит сверток бумаги, другой, третий... Над стеной появляется голова. Худой человек садится на стену. Лицо его тонкое, тощее и хмурое. Рост средний. Рот небольшой. Спрингивает. Видит сверток.

ФРАНСУА. Ну вот. Стоило начинать новую жизнь, если для этих вонючих ~~занятий лекций торчат~~^{опыты} перед глазами. Пожалуйте обратно.

/кидает через стену/

Бернард Клервосский, Тертулиан, самый рваный, конечно, ома. Профессору по голове, лети! Все тихо. Значит опять не повезло.

/Садится/

Усталость и отвращение. Вытерпел двенадцатичасовой экзамен. Вытерпел речи ослов экзаменаторов. Но не смог вытерпеть мысли, что придется говорить благодарственную речь. Уважаемая альма матер и вы дорогие преподаватели позвольте - и так далее... Тьфу! Я, однако, всегда срываюсь перед самым концом. Франсуа, у вас нет терпения. Но что же дальше? Вы не правильно себе ведете, Франсуа. Если уж лизать руки, то нельзя показывать отвращения. Но это самое трудное! Меня обштырают. Но что же делать? Как жить? Так, как я хочу жить и не могу, а как могу - не хочу. И прежде всего, что делать с сердцем, которое так чувствительно к толчкам и царапинам. Устал...

/Опускает голову на руки. Вытирает руками лицо, видит лужу/

Вот и лужа и Франсуа Монкорбье нарцисс около нее.

/Смотрится в лужу/

Такой прекрасный мальчик, такой отличный жених, и такая грусть в глазах и в душе. Почему? Почему Мама Аквинат не вызывает у вас привязанности к своей засаленной особе? Почему ангельский доктор, как его называют, получил от вас непотребную кличку ангельского производителя? Почему, когда все люди смеются, у вас, мэтр Франсуа, в душе печаль и вздыхания, а когда люди плачут, у вас пушок развязывается от смеха. Почему? Молчит душа.

/Входит Буассон/

БУАССОН. Франсуа! Почему...

ФРАНСУА. Душа?

БУАССОН. Франсуа, почему ты ушел? Почему мы должны отдуваться за твои причуды?

ФРАНСУА. Острый вопрос. А почему мои причуды должны отдуваться за то, что вы отдуваетесь из-за моих причуд? Вот тоже острый вопрос.

БУАССОН. Франсуа, умоляю тебя, побудь серьезным.

ФРАНСУА. Буассон, я держусь на ниточке самодлюбия. Еще одна фраза, и я разрыдаюсь. Не тревожь меня, друг. Меня толкает от проклятого университета. Мне остомержзела сорбонистая земля этой Сорбонны настолько, что я перелез через стену, чтобы избежать лишний шаг в воздухе, зараженном любимыми моими наставниками.

БУАССОН. Тихе, идет Гильом.

/Входит Гильом/

ГИЛЬОМ. Поздравляю вас, Франсуа, вам присвоили звание магистра.

ФРАНСУА. И почти так же велик как и вы, Гильом. Идеал, конечно, недостижим, но упорным трудом я надеюсь...

ГИЛЬОМ. Я не понимаю, за что вы на меня сердитесь. Все мы преклоняемся перед вашими дарованиями, но зачем вы терзали учи-

ФРАНСУА. Учителя - душители, племя их неистребимо! Они берут за образец недостаток великого человека и делают из него ящик-форму для испечения себе подобных. Не дай бог, если ученик не вылезает в этот ящик, - ему отстригут выступающие части. Отстригли голову ученику, объявляют его дураком безголовым, в отличие от соседа, у которого имеется голова на плечах. А у соседа голова на плечах потому, что он на голову ниже, и это преимущество позволило ему не вылезать из ящика! Не вылезай из ящика - вот главная мудрость! Не вылезай из ящика, Франсуа!

ГИЛЬОМ. Франсуа, годы учебы позади. Мы покидаем эти стены, которые служили нам приютом, и перед нами открываются...

ФРАНСУА. Гильом. Я знаю наизусть вашу дипломную речь. Дело в том, что если мне не изменит память, это я ее написал.

ГИЛЬОМ. Франсуа.... Э-э... зачем об этом говорить, я хотел вас познакомить с моими друзьями. Они будут рады принять вас в свое общество.

БУАССОН. Вы не спросили, будет ли рад Франсуа.

ГИЛЬОМ. О-о!

ФРАНСУА. Буду рад, Гильом. Не сомневайтесь. Действуйте, Гильом.

/Гильом уходит/

БУАССОН. Франсуа, зачем тебе эти щеголи?

ФРАНСУА. А что ты мне предложишь взамен? Давить вместе с тобой клопов в городской ратуше?

БУАССОН. Франсуа, я тебя не узнаю!

ФРАНСУА. А ты думал, что смотришься в зеркало?

БУАССОН. Нет, конечно, но мы, которые тебе поклонялись... нам может показаться, что ты ложный талант...

ФРАНСУА. Ах, опять что-то у меня вылезает из ящика и опять овечьи ношицы!?

БУАССОН. Ты ложный талант, Франсуа!

ФРАНСУА. И это все? Страшнее ничего нет? Ты серенький, Буассон, а мне нравятся и остальные цвета тоже.

БУАССОН. Не буду с тобой говорить!

ФРАНСУА. Нет, почему же? Содержательная беседа. Особенно когда приятель скромно предлагает следовать всю жизнь его советам. Зачем такая скромность, Буассон? Прикажи, Буассон. Буассон, а ведь я к тебе хорошо относился. Ты заметил? Меня просят о знакомстве, а не я просил. Неужели я упущу случай, который — все. Отойди. Они изволят прогуливаться. Да не подумают они, что я их поджидаю. С ними Генрих. Знаешь, меня к нему тинет?

/Гильом направляется к Франсуа и Буассону/

ГЕНРИХ. Что нужно Гильому от них? Б. Ион как всегда не удовлетворяет ни на секунду. Он невыносим.

СЕН-ПОЛЬ. Генрих, Генрих, ты к нему не справедлив. Он действительно остроумен.

ДА-ГИР. Остроумие у него вымученное. И потом он ужасно суетлив. В нем за шерсть чувствуется вислочка и карьерист.

ГЕНРИХ. Отсутствие породы. Больше ничего.

ДА-ГИР. Бедняга, он так старается привлечь наше внимание и, увы, такие отзывы.

СЕН-ПОЛЬ. Предсказываю, он сейчас ползет с нами знакомиться. Генрих, как твой духовник, я протестую.

ДА-ГИР. Можно не заключать пари. Этот болван Гильом ведет его сюда.

ГЕНРИХ. Гильом не поумнел.

ГИЛЬОМ. Господа, позвольте вам представить мэтра Франсуа Виллона. Аббат де Сен-Поль, Генрих Арманьяк, Да-Гир.

ФРАНСУА. Совершенно неясно, почему я мэтр. Однако это несомненно. Это также несомненно, как то, что мэтр — это я. Но я фран-

суа Виллон, следовательно, Франсуа Виллон — это мэтр. Логическая фигура округлилась. Не беда, если эта фигура кусает себя сама за хвост. Округлость ее форм сияет убедительностью и внушает почтение.

СЕН-НОМБ. Не в таком темпе, мэтр, не в таком темпе. Мы все-го только бакалавры.

ЛА-ТУР. Несмотря на округлость эта логика застревает в глотке.

ГЕНРИХ. От нее пахнет чернилами.

ФРАНСУА. О дорогой запах чернил. Горечь твоя напоминает о корне ученья, который горек. Мухи, плавающие в чернилах, очевидно, должны говорить о плодах ученья, которые сладки.

ГЕНРИХ. Франсуа, я хочу вас познакомить с моим отцом, вот он идет сюда. Прощайте господа.

БУАССОН /стараясь сохранить достоинство/. Ну я, пожалуй, пойду, Франсуа.

ФРАНСУА. Прощай. Сейчас я буду соблазнять маману Арманьяка.

АРМАНЬЯК. Генрих, ты мне нужен.

ГЕНРИХ. Отец, познакомьтесь с моим другом мэтром Франсуа Виллоном.

ФРАНСУА. Счастлив я видеть воина, прославленного и могучего.

АРМАНЬЯК. Очень приятно. Генрих, плохие новости. Свадьба твоя расстраивается. Есть некоторые обстоятельства.

ГЕНРИХ. О, я плачу. Отец, мэтр Франсуа автор "Чёртова камня"

ФРАНСУА. Боже мой, Генрих, это печально. Она вам отказала. У вас есть соперник?

ГЕНРИХ. Вероятно.

ФРАНСУА. Казус белли. Надо что-нибудь придумать.

АРМАНЬЯК. Молодой мэтр. Отец Генриха тяжесть принятия возьмет на свои слабые плечи.

ФРАНСУА. Прошу прощения. Мне показалось, что делошло о любви.

АРМАНЬЯК. Ты мне нравишься. Генрих, приведи его как-нибудь к нам.

ФРАНСУА. Разрешите вас оставить, господа.

/Иходит/

АРМАНЬЯК. Генрих, где ты его выкопал?

ГЕНРИХ. Пригодится.

АРМАНЬЯК. Но этот проходимец лезет совершенно открыто.

ГЕНРИХ. Он лезет туда, где ему приготовлена кормушка. Не дальше.

АРМАНЬЯК. Генрих, чтобы добиться успеха, надо окружать себя мечами, а не перьями.

ГЕНРИХ. Как знать? Времена меняются.

Явление 2

Переулком на берегу Сены. Поздний вечер. Входят полунынные щеголи во главе с Генрихом. С ними Франсуа.

ГИЛЬОМ. Вот здесь хорош. Передохнем.

ФРАНСУА. Генрих, сколько времени я с вами путаюсь, и все еще не вижу в этом никакой выгоды для себя. Мне кажется, что у вас веселее. Без вас я не шнырял по кабакам, с вами я шныряю по кабакам, вот и вся разница. Где же розы высокого вкуса, брошенные под ноги острого ума?

СЕН-ПОЛЬ. Если выражение "розы высокого вкуса" обозначает хороший вкус, то что значит "ноги острого ума"? Это что-то не по-французски.

ФРАНСУА. Господи! Человек, который не знает сколько пальцев на руке, борется рассуждать об анатомии. Вы рожаете живое выражение и обсуждаете огрызки. Вы убийца и вивсектор.

СЕН-ПОЛЬ. Франсуа, попридержите язычек.

ГЕНРИХ. Франсуа боится, как бы его не сочли за блудолиза и старается показать независимость.

ГИЛЬОМ. Ха-ха-ха.

ФРАНСУА. Вы угадали. Генрих, но вы меня обидели. Я посылаю вас всех к чорту и ухому. Прощайте.

ГИЛЬОМ. Господа, господа, перестаньте. Никто ничего не сказал.

ГЕНРИХ. И не хотел вас обидеть, Франсуа. Я сказал, не подумай.

ФРАНСУА. Правда, Генрих? Я хотел бы поверить. Мне очень хочется остаться. Мне наплевать на вас и их приятелей, но к вам меня тянет.

ГЕНРИХ. Вы... странный чудак... Я просто тронут. Но нельзя же говорить вслух. Давайте обнимемся, Франсуа!

ФРАНСУА. Генрих!

/Обнимаются/

СЕН-ПОЛЬ. Ах, ах, любовь с первого взгляда.

ФРАНСУА. Молчите, поп!

СЕН-ПОЛЬ. Что вы изволили...

ГЕНРИХ. Молчи, поп.

СЕН-ПОЛЬ. Конечно, я не способен понять ваши тонкие чувства...

ЛА-ГИР. Ты глуп.

СЕН-ПОЛЬ. Возможно... возможно... А вот идет отличный писец.

ГИЛЬОМ. Нет, это не писец, это нотариус.

ЛА-ГИР. Это не нотариус, это главный судья. Франсуа, посмотри, вот идет столп общества. Вот идет судья. Ведь вы судья, Сударь? У вас около горла торчит протекл. Ах, простите, это воротник.

ГОРОЖАНИН. Я с вами не знаком, сударь.

ЛА-ГИР. Франсуа, он со мной не знаком. Ты слышишь? И это говорит судья!

ФРАНСУА. Это не судья, это муравьиный король.

ЛА-ГИР. Почему ты дураешь?

ФРАНСУА. Во-первых, у него жирные плечи, а во-вторых, он тащит к себе в гнездо престелного мотылька. Куда он нас тащит, мадемуазель?

ГОРОЖАНИН. Пустите меня! Вы оскорбляете мою жену! Вы мне за это ответите!

ФРАНСУА. Мосье, мосье, остановитесь! Вы забываете главное муравьиное правило. Когда тащишь жертву, нужно сохранять гладно-кровие! Вот видите, вы не можете открыть шалитку, у вас дрожат руки.

ГОРОЖАНИН. Вы... Как вам не стыдно!? Вы мне родитесь в синовья!!

ФРАНСУА. Я вам ровусь в синовья, а ваша жена годится мне в дочери! Стыдитесь, вы муж собственной внучки.

ГОРОЖАНИН. Тот негодяй, кто надеется над чужим счастьем!!

ФРАНСУА. Папаша, я просто завидую. Будь у меня столько денег, сколько у вас, я бы тоже купил себе такую красавицу.

ЖЕНА. Идите же. Валу жену оскорбляют!

ФРАНСУА. Прощайте отец. Прощай дочка, но идите меня к ужину, я сегодня одержжусь.

СЕН-ПОЛЬ. Согретый лаской Генриха, Франсуа распускается, как роза. А почему хихикает Гильом?

/Входит ремесленник, падает, споткнувшись о палку/

Вот почему хихикает Гильом.

РЕМЕСЛЕННИК. Ох.

ГИЛЬОМ. Ха-ха-ха-ха!! Что не нравится! Пусти, ты с ума сошел! Пусти я говорю! На помощь! Ко мне!

РЕМЕСЛЕННИК. Что, не нравится?

СЕН-ПОЛЬ. Бей его.

РЕМЕСЛЕННИК. Пятеро на одного. Хорошо у вас водится.

ГИЛЬОМ. А ты как думал?

ЛА-ГИР. Да ведь это Мак. Мак простачек. Мак, серенькая скотинка. Как поживаешь, Мак? Хватает ли сена на еду?

РЕМЕСЛЕННИК. Сено все ослы пожрали, все родня ваша.

ГЕНРИХ. Но, но, Мак, не забывайся!

РЕМЕСЛЕННИК. Да я Мак, да я имени своего не скрываю. Я свое имя ночью не причу как вы.

ГЕНРИХ. Господа, представимся ему.

ВСИ. Сен-Поль, Ла-Гир, Д'Арманьяк, Вийон.

МАК. Ага, господские сынки шалют на улицах. Ну эту повадку сразу видать. Последнего что-то не разобрал. Вийон, говоришь? Врешь. Наш Франсуа Вийон поэт, а не господская проститутка.

СЕН-ПОЛЬ. Крепко сказано!!

/Франсуа кидается на Мака и сталивает его в Сену/

МАК. /вылезая мокрый/. Франсуа, я пел твои песни.

ФРАНСУА. Прощай.

/Мак уходит/

Получается не очень весело.

СЕН-ПОЛЬ. Кому как.

ГИЛЬОМ. Ну, этот случай я не упущу. Приближается женщина.

ЛА-ГИР. Биват! женщина, женщина. Тсс, не спугните. Стоп!

ЖЕНЩИНА. АИ!

ЛА-ГИР. Ловко, сразу в обморок. Гильом, тащи ее в сторону.

ЖЕНЩИНА. Пустите меня! Пустите!!

ГИЛЬОМ. Молчите, мадемуазель, и все будет хорошо.

ЖЕНЩИНА. Помогите меня! Носье, что вы делаете?! Умоляю вас!

ГИЛЬОМ. Ну, не надо ломаться.

ЖЕНЩИНА. Пустите! /вырывается/

СЕН-ПОЛЬ. Стоп! Куда?! Нет, не пущу!

ФРАНСУА. Пустите ее, Сен-Поль!

СЕН-ПОЛЬ. Не путайся под ногами, Франсуа!

ФРАНСУА. Пусти, я сказал!

/Отталкивает Сен-Поля от женщины/

СЕН-ПОЛЬ. Так... Так...

ЛА - ГИР. Вы проявляете похвальную доблесть...

СЕН-ПОЛЬ. За наш счет.

ЛА ГИР. Ловко у вас получается, Франсуа. И нашим и вашим.

Надо выбирать кому служить, Франсуа.

ФРАНСУА. Я никому не служу. Я сам по себе.

ГИЛЬОМ. Он воображает...

СЕН-ПОЛЬ. ВЕРНУ, Этот так сказал, что он проститутка!

ФРАНСУА. Если этот вонючий поп не уберется отсюда, я обрублю ему уши.

СЕН-ПОЛЬ. Что ты сказал?

/Кидается на Франсуа. Франсуа дерется с попом. Сен-Поль падает. Франсуа стоит ошеломленный/

ГИЛЬОМ. Генрих! Городская стража! Божим!!

/Франсуа неподвижен/

ФРАНСУА. Сударыня, я Франсуа Бийон. Как ваше имя, сударыня?

ЖЕНЩИНА. Катерина де Вессель... Мосье, бегите скорее!

/Франсуа и женщина торопливо уходят/

/Бегает стражник/

СТРАЖНИК. Смотри, убитый!

ДРУГОЙ. Нет, живой. С нами крестная сила. Священник! Святой отец, кто на вас напал?

СЕН-ПОЛЬ. /хрипит. Не заметил.

Явление 3

Комната в доме Каторины де-Вассель, влюбленный Франсуа.
Каторина и Франсуа целуются.

КАТОРИНА - Франсуа, милый. Какой ты хороший. Как я тебя люблю...

ФРАНСУА. Знаешь, у меня какой-то осадок в сердце...

КАТОРИНА - Расскажи об этом, умолю тебя... Я сказала глупость... я совсем не понимала, что это можно так понять! Никаких денег, ни подарков мне от тебя не нужно, мне нужен только ты... только ты. Мне нужно, чтобы ты писал свои стихи. Ты должен писать...

ФРАНСУА - Я буду писать... Я буду писать о тебе... Мне это не трудно. Стоит мне подумать о тебе, как у меня поет сердце. Слышишь... Я многое могу... Я могу брать с неба звезды и сыпать их тебе в окно по утрам целыми пригораними... Я могу написать на воде Соны твою имя, и влажный блеск потечет до самого дна, а в Пуату прочтут написанное... Смотри, я говорю "Каторина", и капитаны залумели как от ветра.

КАТОРИНА - Расскажи Франсуа... У меня кружится голова... Когда ты так говоришь, у меня всегда кружится голова... Не нужно так... Знаешь, это даже несправедливо, что одному человеку достается такой дар... Мне иногда кажется, что ты, может быть, самый сильный поэт из всех, какие мне читали стихи. Конечно, ты пишешь неправильно... Но, может быть, у меня бледное лицо... Мне нравится как ты пишешь...

ФРАНСУА - Мой дар-это ты.

КАТОРИНА - Расскажи мне это еще раз...

ФРАНСУА - Мой дар - это ты.

КАТЕРИНА - Да... Приятно было это слышать... Но это не так... Твой дар - это ты. А я просто маленькая женщина, которой хочется счастья. Интересно, кто мне принесет счастье?... Неужели ты, Франсуа?

ФРАНСУА - Я, Катерина, только я.

КАТЕРИНА - Не знаю... Ты слишком горяч... Ты все принимаешь черезчур всерьез. Тебе нужно быть спокойной.

ФРАНСУА - Хорошо... Я постараюсь... Я все хотел тебя спросить, Катерина. Откуда у тебя цветы?

КАТЕРИНА - Это от графа д'Арманьяка.

ФРАНСУА - Что! От кого?... /пауза/

КАТЕРИНА - Мне так неловко, Франсуа. Я тебе хотела сказать как только ты пришел. Но ты заговорил совершенно о другом, и потом стало как-то глупо говорить об этом.

ФРАНСУА - Ну...

КАТЕРИНА - Что ты так говоришь со мной?

ФРАНСУА - Ну-ну!

КАТЕРИНА - Приходил Генрих и...

ФРАНСУА - Генрих!?

КАТЕРИНА - Франсуа! Я назвала его Генрихом потому, что его так называют постоянно!

ФРАНСУА - Катерина, и ты его приняла!?

КАТЕРИНА - Ну что тут такого?

ФРАНСУА - Ты его приняла после того как он хотел тебя обесчестить?!

КАТЕРИНА - Но он же приходил извиняться!

ФРАНСУА - А черт! Кто его просил об этом! И самое главное, что этого для тебя достаточно!

КАТЕРИНА - По ты же сам его выделал из остальных!

ФРАНСУА - Чепуха! Сказать по правде, я его тебе расписывал потому, что мне было стыдно перед тобой за мою кампанию! Такой же мерзавчик, как и остальные. Значит для тебя достаточно простого извинения?

КАТЕРИНА - Франсуа, я не позволю тебе так со мной разговаривать!

ФРАНСУА - Катерина, мне начинает становиться страшно! Вот ты уже пытаешься воспользоваться тем, что я сказал грубость! Я уже не смогу добиться истины! Ты этого добиваешься, Катерина!

КАТЕРИНА - Ты хочешь поссориться?

ФРАНСУА - Я узнаю когда-нибудь всю историю или нет!? Катерина!

КАТЕРИНА - Пожалуйста! Пожалуйста! Ты же сам не даешь сказать ни слова! Он гораздо лучше к тебе относится, чем ты к нему!

ФРАНСУА - Еще бы! Не я пришел к его невесте, а он к моей!

КАТЕРИНА - Да! да, гораздо лучше! Он выхлопотал у короля тебе помилование! Только благодаря ему ты вернулся в Париж!

ФРАНСУА - Это он тебе сказал?

КАТЕРИНА - Да! Да!

ФРАНСУА - А сказал ли он тебе, что, если бы он не добился мне помилования, я бы выложил в суде кое что похуже о них самих! Он тебе цветы прислал или сам принес?

КАТЕРИНА - Принес! Принес! На зло тебе!

ФРАНСУА - Он после моего приезда не приходил?

КАТЕРИНА - Конечно, нет!

ФРАНСУА - И ты хочешь сказать, что цветы сохранили свежесть две недели? Что это, Катерина? Что это?...

КАТЕРИНА - Ну, он был еще раз. Не зная, почему я тебе не сказала. Ты на меня так напустился... Ты совсем беженный...

ФРАНСУА - Довольно, почему голова у меня работает даже тогда, когда меня раздражает простень? Откуда во мне эта опытность? Почему я не поражаюсь, когда я узнаю гадости о своей возлюбленной? Надо заглянуть в свою душу... Может быть, эта гадость живет во мне и поэтому я так легко ее нахожу в других...

КАТЕРИНА - Может быть, - да, а может быть, - нет... Ты так обрадовалась моей откровенности... Я же ищу оправдания тебе в моих глазах... Ты думаешь мне легко видеть, как ты становишься похожей на других бабенок?

КАТЕРИНА - И это говоришь ты?! Ты осуждаешь Генриха?! А разве не ты участвовал во всех их гадостях? Разве не ты с ними пытаешься меня обесчестить?! Чем же ты лучше Генриха?!

ФРАНСУА - Как?! Да ведь я стал на твою защиту! Я выручил тебя из беды, в которую тебя хотел увлечь Генрих! Генрих!

КАТЕРИНА - Подумаешь заслуга! Ты сам сказал, что влюбился в меня с первого взгляда! Ты просто решил отстоять меня для себя!

ФРАНСУА - Ты... посмеяла повернуть против меня мою любовь?! Хорошо... Почему же Генрих так не поступил, как я. Он тоже мог отстоять тебя для своих надобностей! Мы бы ему уступили... А?...

ГЕНРИХ - франсуа открыл огонь. Ты лучше скажи, когда ты перестанешь скрывать от нас всю невесту. Такая женщина заслуживает лучшего, чем сидеть в четырех стенах.

КАТЕРИНА - Извините господа, я должна вас оставить...
Мне нездоровится.

ФРАНСУА - Я тебя провожу.

КАТЕРИНА - /зло/ Нет спасибо... не стоит...

/ухмылят/

ГЕНРИХ - Ты заметил, мы попали в самый разгар.

ГИР - Франсуа будете взвошен. Может быть, это самое главное... Впрочем, в ней что то есть. Какая то чистота и свежесть. Это подкупает... Ну что, Франсуа, как дела?

ФРАНСУА - /входя/ Генрих, ты мне друг?

ГЕНРИХ - Конечно, ты же знаешь.

ФРАНСУА - Генрих, дай мне денег и побольше, я тебе верну. У меня обещали купить стихи. Но мне нужно сейчас.

ГЕНРИХ - Нет, Франсуа, денег я тебе не дам. У меня просто нет. Ты же знаешь, у меня с богатенькой моей вдовой сорвалось. Представь себе, вдова отказалась потому, что я себя непримично веду. Какое? Это вдова!

ФРАНСУА - Да, это истинно по дружески...

ГЕНРИХ - Я бы мог тебя выручить... Вернее не я... Я случайно узнал, есть один человек, ему нужно помочь в одном деле. Он согласен уплатить порядочно. Предупреждаю, ты довольно подозрительный, но я за него не отвечаю.

ФРАНСУА - Наплевать. Сведи меня с ним. Как его зовут?

ГЕНРИХ - Его зовут Шту.

ФРАНСУА - Чем он занимается?

ГЕНРИХ - Понятия не имею. Мне его показали в одной кабаке.

ФРАНСУА - Да... попаду я с тобой в историю...

ГЕНРИХ - Как хочешь. Я же не настаиваю.

ФРАНСУА - Хорошо... идем... Только сейчас...

Явление 4.

Комната в доме Катерины де-Вессель. Катерина и Генрих.
Катерина сидит. Генрих стоит.

ГЕНРИХ - С этим пора кончать. Разве ты не видишь?

КАТЕРИНА - Я не могу, Генрих... У меня не поворачивается язык.

ГЕНРИХ - Да, у тебя поворачивается язык только, чтобы отказать мне... Меня это оскорбляет.

КАТЕРИНА - Как ты не понимаешь... Он приходит... приносит подарки... надеется... Неужели ты не можешь понять?

ГЕНРИХ - Могу, но не хочу... и тебе не советую... Если ты этого не сделаешь, я швырну ему подарки в лицо! Слышишь? Это позор, принимать подарки от воров и проходивцев!

КАТЕРИНА - Но он же это делает из-за меня. Я его сама толкнула на это.

ГЕНРИХ - Никого нельзя никуда толкнуть. Он взрослый человек и сам за себя отвечает. Разве не мог он эти деньги заработать честным путем? Попросил бы у меня, наконец! Неужели ты думаешь, что я бы ему отказал?

КАТЕРИНА - Ты бы ему дал?

ГЕНРИХ - Ты меня обижает... Подумай, могу ли я иметь соперником продажного писаку?

КАТЕРИНА - Не говори так...

ГЕНРИХ - Ты, наконец, мне мешаешь делать тебе подарки! Мне! Я тоже имею на это право!

КАТЕРИНА - Генрих... мне неприятно, мы только и говорим на эту тему. Можно подумать, что у нас нет любви... Мне его просто жалко...

ГЕНРИХ - Еще бы... Говорить о поэзии и любви, как это делает Байрон, дело нетрудное! Гораздо труднее говорить правду... Мне просто жалко тебя, иначе и он давно рассказывал тебе о его смехотворных похвалах богатой невесты.

КАТЕРИНА - Не лги, Генрих... Франсуа меня любит...

ГЕНРИХ - Дорогая... Вас спасает то, что вы женщина... Я никогда не лгу. Да, Франсуа тебя любит, но это не помешало ему свататься к одной богатой вдове... Ее счастье, что она ему отказала... Как он кричал "карус бейли"! "повод для войны" и умолял меня помочь ему что-нибудь придумать... Ну я отказался, конечно... Я не люблю эти мелкие канцелярские уловки... Он малок, твою Франсуа...

/входит слуга/

СЛУГА - Султанша, господи Байрон.

ГЕНРИХ - Делов на пошине

/входит Франсуа/

ФРАНСУА - Катерина, девочка, я так рад, что, наконец, могу к тебе прийти. Кстати, у меня есть для тебя кое что приятное... Вот смотри, тебе нравится?... Видишь ли, я только что получил деньги за стихи. О, у тебя гости... я не заметил...

ГЕНРИХ - Привет, Франсуа...

ФРАНСУА - Катерина, как тебе нравится это кольцо?...

КАТЕРИНА - Спасибо. Положи на окно. И потом посмотри.

ФРАНСУА - Как ты сказала?...

ГЕНРИХ - Ну вы тут разберитесь, я пока выйду... уходит/

ФРАНСУА - Как ты сказала?...

КАТЕРИНА - Франсуа, мне жаль тебя, но лучше сказать сразу. Я многое поняла за это время... Меня унижает твои жалкие подарки... Меня унижает то, что им тынешься из последних за Генрихом

ФРАНСУА - Проклятая, ведь ты сама толкнула меня на этот путь!...

КАТЕРИНА - Возможно... Нет, надо покончить все сразу...

ФРАНСУА, я любовница Генриха...

ФРАНСУА - /вежливо/ -... И давно?

КАТЕРИНА - /опешив/ - Давно...

ФРАНСУА - И это приятно?...

КАТЕРИНА - /хрипло/ Негодяй... Ты проявляешь удивительное самообладание...

ФРАНСУА - Я не хочу портить тебе удовольствие с Генрихом.

КАТЕРИНА - И этот человек уверял меня в своей любви... О /рыдает/

ФРАНСУА - /хрипло/ Ты хотела зарезать меня, чтобы сделать Генриху приятное, и потом иметь возможность пожелать меня... Это бы тебя успокоило... Я тебе этого не дал... И теперь ты воешь... Я все это чувствовал давно, но старался не верить...

КАТЕРИНА - Врешь! Врешь!... Тебе больно! Больно! Это все твоё проклятое притворство. Меня ты обмануть не сумеешь! Я женщина!

ФРАНСУА - Я шел в грязь, ночью... я увидел, как впереди заглясь звезда. Я пошел к ней напролом, через души... но оказалось что это послеслепавали глаза суки... Ты кусок тела!

КАТЕРИНА - Да, я кусок тела, и это мое единственное богатство! Да, я хочу хорошо одеваться! Я хочу осуществлять свои прихоти! Но ты! Ты ведь поэт! У тебя божий дар, а ты держишься со деволями, как проститутка!

ФРАНСУА - Женщина... мы на краю пропасти... Ты понимаешь это?

КАТЕРИНА - Пусть... Не пугай меня... Это пропасть вырыла не я... Я хочу жить. А живут только сны... Ты иди своей дорогой, а своей.

ФРАНСУА. Ты... несчастная тварь... Ты не разглядела к кому ты идешь!

КАТЕРИНА. Ты ошибся. И разглядела. Кто идет, что аристократ лучше - тот разочаруется! Кто ждет, что аристократ - выше, тот никогда не разочаруется! Выше - значит, порода, значит, право на бесчинство! Если бы тебя арестовали тогда ночью, во время драки с блатом, тебя бы судили как бандита, а если бы попался Генрих, это сочли бы малостью. И это правильно! Ты участвовал в бесчинствах из-за корысти, а Генрих со скуки!

ФРАНСУА. Бесчинство со скуки - т же этого не хватало во мне?

КАТЕРИНА. Нет! Для этого нужно таким родиться! Генрих храбр

ФРАНСУА. Генрих храбр?! Он ничтожество! Он просто лишился воображения, ...но это уже не имеет значения теперь...

КАТЕРИНА. Какая разница?! С ним женщина чувствует себя уверенно, ... а тебе надо каждый раз переламывать свою трусость!

ФРАНСУА. Что ты сказала?..

КАТЕРИНА. Ты не сверкай глазами... Ты трус, конечно! Ты можешь прийти в ярость, которая помешает тебе видеть опасность и сделает тебя храбрым! Но ярость долго не держится. Нужна природная храбрость!

ФРАНСУА. Природная тупость!

КАТЕРИНА. Нет, природная уверенность! Генрих всегда уверен, что возьмет верх. Он никогда не был унижен, а нас с тобой унижали от рождения!

ФРАНСУА. Ты говоришь правду... Смотри, ты даже сейчас на него работаешь, ты увеличиваешь его храбрость и отнимаешь мою... Но не будь чересчур самоотверженной... Ведь ты разрушаешь облик простодушной девочки, который его привлекает...

КАТЕРИНА. Ты и здесь ошибся, Франсуа... Его тянет грязь. Он будет думать, что это он меня развратил!

ФРАНСУА. Я думал, что я знаю пределы низости... Я - владыка..

КАТЕРИНА. Это правда. Но не пытайся ему повредить... Я встану на его сторону и тебе не слоброва зь!

ФРАНСУА. Молчи!.. Тебя не существует... Существова ли я? Любопытно...

/Входят Генрих и Ла-Гир/

ГЕНРИХ. Ну, эту болтовню пора кончать...

ФРАНСУА (ярко). Смерть!.. Смерть!.. Нас рассудит смерть! Ты... негодяй! Слышишь!

ГЕНРИХ. Мне драться с тобой? Канцелярская крыса, книжный червь. Я - д'Арманьяк, граф божьей милостью! Мой род древней корлеувского, и мне драться с тобой? Голодранец. Постышка!

КАТЕРИНА. Генрих!

ГЕНРИХ. Оставь! Он давно заслужил встречу! Надо указать место нахалу! Кстати, у него есть кредитор. Идите, дорогой, пора получать должок.

/Входят аббат Сен-Поль и вооруженные/

Советую не сопротивляться... Это люди святой инквизиции... Аббат читает приговор...

СЕН-ПОЛЬ. "Приговор капитула святой инквизиции". Обвиняемый Франсуа Монкорбье, по прозвищу Бийон, известен был громким и распутным образом жизни. Обманчивым путем пробравшись в общество благородных дворян, он пытался ввести в соблазн означенных благородных дворян, высокое общество коих не послужило к его исправлению. В усугубление вины, означенный Бийон осмелился публично распространять злонамеренные стихи, в коих затрагивались чины нашей святой матери церкви. Учитывая молодость и неразумие обвиняемого, капитул постановляет на первый раз схватить означенного Бийона и, прочтя приговор, предать сечению розгами на Гревской площади, после чего изгнать из Парижа и его пригородов". Взять его!

/Стражники хватают Франсуа/

ФРАНСУА. Только не это!.. Только не это!..

КАТЕРИНА. Генрих! Я этого не хотела!! Франсуа!..

ФРАНСУА (рыдая). Проклятый поп! Запомню я тебя!..

/Страшники вытаскивают Франсуа. Молчание/

ГЕНРИХ. Ну вот и все...

ДА-ГИР. Не думаю...

/Катерина сидит белая/

Явление 5

Декабрь. Окраина Парижа. Голые сучья деревьев. Дорога.
Притихший, малко улыбающийся Франсуа смотрит на ворота дома.

/Входит горожанин/

ГОРОЖАНИН. Тебя выгнали из Парижа... Ну что стал посреди до-
роги?..

ФРАНСУА. Простите...

/Горожанин уходит/

Последняя попытка... Фильмом кажется неплохо ко мне относиться...

Франсуа стучит дверным молотком.

Дверь открывается и Франсуа входит.

Некоторое время сцена пуста.

Открываются ворота.

Его выводят из ворот за шиворот и дают пинка в
зад.

Он падает на землю.

Он поднимается с дороги, заостривший, серый
с отвисел губой и мертвыми глазами.

Поднимает с земли свой берет.

Иходит, батась, по дороге.

З А Н А В Е С

Двление I

Город. Мен. Епископат. Трактир на базарной площади, прислоненный к стенам епископской резиденции. Народ, коня, осли. Украшает пейзаж виселица с петлей, закинутой на перекладину. Ворона.

/Входит Франсуа/

ФРАНСУА. Здравствуйте, друзья.

ХОЗЯИН. Ну, что скажешь?

ФРАНСУА. Налей мне вина.

ХОЗЯИН. Опять платить нечем?

ФРАНСУА. Я вам спов...

ХОЗЯИН. Не нужно, уходи.

КРЕСТЬЯНИН. Почему не нужно? Пусть споет.

ХОЗЯИН. Запоет... потом опять плакать станет.

ДРУГОЙ. Маленький человек.

ТРЕТИЙ. А ведь ученый.

КРЕСТЬЯНИН. Где ученый?.. Дай мне ученого... Ты ученый?

ФРАНСУА. Да, ученый.

КРЕСТЬЯНИН. Э... Ученые люди!.. Ты же на вас, ученые люди! Был я человек, был я хозяин, а теперь и кто? Хуже крепостного! А все ученые люди, будь они прокляты! Господин епископ обещал ободать с долгом, а пришли судейские, дали мне грамоту и прогнали из дома и отобрали и овца, и виноградник, и посуду оловянную! А что в этой грамоте, дьявол ее заберит! Я вот пойду добьюсь к господину епископу нашему!

ФРАНСУА. Дай прочту.

КРЕСТЬЯНИН. Да уж ты простишь...

ВСЕ. Дай ему! Дай ему.. Пусть прочтает... У него это ловко выходит.

/Окружают Франсуа/

ФРАНСУА. По исковой жалобе господина епископа суд постановляет взять у крестьянина Боннара имущество его, если хватит в уплату долгов господину епископу.

КРЕСТЬЯНИН. Смотри, и впрямь читает! Ловко! На... выпей.

ФРАНСУА. Здесь написано, что у тебя все отобрали по повеленью самого епископа.

КРЕСТЬЯНИН. Где!? Что врешь? Дай сюда грамоту!

ФРАНСУА. Говори тебе правду... Не сердись...

КРЕСТЬЯНИН. ... смутьян проклятый! Ты тоже хитрец ученый на нашу погибель! Вот господин епископ узнает про ваши плутни!

ФРАНСУА (жалко). А... что ты?.. Я же не виноват...

КРЕСТЬЯНИН. Дыгье вы волки! Развелось вас на беду нашу крестьянскую! Проклятые!

РЕМЕСЛЕННИК. Ну чего разорался?.. Пошел отсюда, баран. Иди, Франсуа, выпей...

ФРАНСУА. Это ты мне!.. Спасибо...

РЕМЕСЛЕННИК. А ведь я с тобой встречался...

ФРАНСУА. Правда?.. Может быть... Наверно это так...

РЕМЕСЛЕННИК. В Париже... Не помнишь?

ФРАНСУА. Как же, помню прекрасно... Нет... соврал... не помню...

РЕМЕСЛЕННИК. Куда ушел ты из Парижа?..

ФРАНСУА. В разные места... Слушай... я еще налью?..

РЕМЕСЛЕННИК. Пей, пей... На еще хлеба.

ФРАНСУА. Знаешь, а ведь мы с тобой встречались... Это правда...

РЕМЕСЛЕННИК. Ладно. Не важно. Где ты был, Франсуа?

ФРАНСУА. Всяду я был...

ГОРБЧАНИН. А в Пуату был? Говорят, там хорошо.

ФРАНСУА. Скудно мне вспоминать. Когда я шел через Пуату, я видел как собаки лизали руки повешенных, а маленькие дети просили есть.

ГОРОДАНИН. О господи!

ФРАНСУА. Что значит "ничего есть"? Дурацкие слова! Правда? Как может человек не иметь еды? Не понимаю... Видал я в Шампани, как попы плясали вокруг костров, а благородный рыцарь Парсифаль кидал в костер детей...

ГОРОДАНИН. Проклятые...

ФРАНСУА. Разве еретик тот, кому нечем уплатить десятину епископу? Не понимаю... Скудно мне...

ГО ОСА. Проклятые... Везде как у нас...

ФРАНСУА. За что обижают человека?.. Сильный бьет слабого... Глупый ест мудрого... А кто любит людей, про того говорят — вот враг... Дукавый же возвышается... Где правда на этой земле? Мы родимся и бежим от нищеты, а по дороге могила... И все мы, как дети, на этой земле... Я иду по Франции и пою плохую песню. Крестьянин, ты не знаешь, почему дворянин смеется над нами? Не понимаю...

ПОЖИЛО. Опять ты расстроил меня, проклятый! Где правда, я спрашиваю? Ну? Отвечай! Ты же ученый!

РЕЖИСЛЕННИК. Что пристал?

ПОЖИЛО. Где правда?!.. Вот содрали с нас налог за восемь лет вперед и сейчас повезут! А мы будем смотреть ему вслед и кланяться!

ФРАНСУА. И вы молчите? Вы позволяете? А жаловаться?

ГОРОДАНИН. Почему?! При старом епископе посылали Жака в Париж, а там лорвали письмо, да и в шею. Вот и вся жалоба. До короля не дойти, а этот. Господин епископ, вот он над головой...

/Хлопает по каменной стене/

ФРАНСУА. Ах, чорт меня возьми! Значит, надо отнять эти деньги!

ГОРОЖАНИН. Ишь выпил, осмелел.

ФРАНСУА. Я пьян? Я трезв, как селедка! И бы не стал торпеть на вашем месте!

МОЛОДОЙ. Смотри, ворота открывают! Сейчас деньги повесят...

РЕМЕСЛЕННИК. Вот они наши денежки.

ФРАНСУА. Ну... Решайтесь... Случай подходящий!

ПОЖИЛОЙ. Не тронь ты нас! Слышишь?!

ГОРОЖАНИН. Братья, а может, возьмем?!..

МОЛОДОЙ. А вон телега показалась...

ГОРОЖАНИН. Что молчите? ...А?!!.. Может, возьмем?!..

ОДИН. Э, нет, это пошли плохие речи.

ДРУГОЙ. Как бы нам не попасть впросак.

ФРАНСУА. Что ослы покорные? Что, мулы! Подаялки трясутся? Вась бьют, а вы говорите "спасибо"! Вась бьют, а вы говорите "подучите налог, свитой оте"!

МОЛОДОЙ. Правильно он говорит!

ОДИН. Молчи, голытьба! Он доведет до беды!

МОЛОДОЙ. Отобрать назад наши деньги и все!

ГОЛОСА. Стражники! Стражники!

СТРАЖНИК. Прочь с дороги! Все вон отсюда! И вам покажу, быдло!

ГОЛОСА. Да мы что... мы ничего...

/Провозят телеги с деньгами/

ФРАНСУА. Бабы вы... Все... ничто ества... Ведь телега была перед вами!

ОДИН. Что телега!! Что телега!!? А потом что? Смутным проклятым!

ДРУГОЙ. Ты пришел и ушел, а нам здесь кить!

ФРАНСУА. Ты это жизнь называешь, рабская твоя душа?!

ОДИН. Люди, не слушайте его? И его знай!! Это безбожный Франсуа Бийон. Его секли на площади в Париже!

ФРАНСУА. Тебя каждый день секут, старый ты заяц! Тебя жизнь сечет, тебя список сечет, твое поле град сечет, а меня секли господа на Гревской площади! Ты не видишь, остолоп, что я тебе брат по крови! Ты обидел меня, старый кочан, за что? За то, что мне из-за тебя обидно!

ГОРСКОМИН. Не обижайся, Франсуа! У него скуная душа!

ФРАНСУА. Разве дело в его вонючей душе? Это моя душа в царпинах от обид за людей! Это моя душа лигали титудованные коинта! Я человек - эрго - я унижен! Я человек - следовательно, я беден! Я человек - значит, я люблю вас, голодранцы! Если вам скажут, что вы уродливы - не верьте! Если вам скажут, что вы грязны - не верьте, если вам скажут, что вы грубы, скотоподобны - не верьте им, вы прекрасны! Вы прекрасны, ибо при том ничтожно, что есть у вас для поддержания жизни, вы не посягаете друг друга, как это делают овцы, знатнее, заправившие до бровей!

КРЕСТЬЯНИН. Тебя не поймешь! То ругаешься, то хвалишь! Бог с тобой.

ДРУГОЙ. Ты живи сам по себе, а мы сами по себе. Идемте, люди...

МОЛОДЕЦЫНИИ. Отец, а я понял, что он говорил!

КРЕСТЬЯНИН /отец дает ему подзатыльник/.

КРЕСТЬЯНИН. Вал еще понижать такие речи.

ГОРСКОМИН. Прощай, Франсуа... Будешь петь, позови еще придем.. Не обижайся...

ФРАНСУА. Да, я буду петь вам, бараны бессловесные, хотя бы вы меня закидали навозом за это.

ПОМИЛОУ. Да, видишь, как получается... Ну, прощай пока... Пора, стадо гонит...

/Все уходит/

ЧЕЛОВЕК. Франсуа...

ФРАНСУА. Кто здесь?

ЧЕЛОВЕК. Не бойся, трусихка... Ты меня не узнал, Франсуа?

ФРАНСУА. Питу? Как ты сюда попал? Превратности судьбы?

ПИТУ. В общем... да... Франсуа... Есть хорошее дело...

ФРАНСУА. Нет, Питу, я с вами больше не играю.

ПИТУ. Почему, Франсуа?

ФРАНСУА. С вами я был временно. Мне нужна была моя женщина, а ей нужны были деньги... Она взяла деньги и отпустила меня... заявив, что я еще легко отделался... В общем, это правда... если не считать разбитого сердца...

ПИТУ. Франсуа!..

ФРАНСУА. Слушай, Питу, я наизусть знаю, что будет дальше. И оуду отказываться, а ты настаивать. Потом я скажу "нет" и ты начнешь угрожать. Будем считать, что весь обряд уже проделан и, я все-таки не согласился. Ну, что у тебя в запасе? Вероятно, угроза убить. Убивай на здоровье. Тебе это доставит удовольствие? Ты любишь этим заниматься? Вообще, на вид ты похож на человека... Странно, как же я тебя не раскусил. Я обычно хорошо чувствую, с кем имею дело. Ну, Питу, не затягивай! Ливей! Ливей!

ПИТУ. Что тебе нужно?..

ФРАНСУА. Режь меня, что ли... Или, быть может, мне лечь поудобней? Знаешь, это уже гурманство.

ПИТУ. Тебя обидели, Франсуа, но ты можешь хорошо отомстить.

ФРАНСУА. Почему бы все-таки тебе меня не зарезать?

ПИТУ. Слушай... не торзай ты меня! Ты же знаешь, что я тебя не трону.

ФРАНСУА. Почему, дурачек?

ПИТУ. Воры поэтов не трогают, воды имеют душу! Нет... любонит
но...: Есть смелые ребята, есть возможность вернуть людям деньги,
которые у них отняли, и все зависит от одного человека, который
рыдает от любви к ближнему... Рыдает и ни с места... Противно
это, Франсуа...

ФРАНСУА. Знаешь, Питу... Ты только меня не отпевай.

ПИТУ. Если бы ты знал, на чьи деньги налет, ты бы сразу согла-
сился. Это деньги епископа.

ФРАНСУА. О!..

ПИТУ. А епископ - Гильом. Друг твой старый. / тебя еще чешет-
ся зад?

ФРАНСУА. Гильом?!

ПИТУ. Видишь, я говорил, тебе понравится.

ФРАНСУА. Гильом?!

ПИТУ. Приди в себя!

ФРАНСУА. Как! Этот слизняк! Этот жирный каплун... этот гриб -
епископ города Мена?! Он собирает налоги... казнит и мидует?! Но
старый друг... Болван ты, Питу! И пусть это откроет тебе глаза!
Ты начал не с того конца! Сказал он сразу, что речь идет об этом
ублюдке. И согласен. Что надо делать?

ПИТУ. Ты должен заговорить с казначеем на дороге... и подоль-
ше...

ФРАНСУА? Берем деньги людям, Питу?

ПИТУ. Свою долю вернешь...

ФРАНСУА. Благотель бедных... Ладно, пусть будет так. При-
ходи за мной. Пусть ночь дтит пудей!

Явление 2

В каменном полутемном зале бегает человек, зажигая свечи.

ЧЕЛОВЕК. Тьфу, прости господи... Разве вас разожечь, проклять

не к ночи будь сказано. Ну и ночь... Все отсырело... Вот не успею... Вот не успею... Идут?.. Так и есть... Господи пронеси...

/С шумом распахиваются двери. В дверях Гильом, неимоверно разжиревший/

ГИЛЬОМ. Оливье! Сюда! Солдат, сюда!.. Или нет... лучше за дверь! Тщите Факелов, дьявол вас заберит! Здесь же адская темень Оливье! Еще раз проверьте караулы... Ночка сегодня бодрая... Факелов сюда! Ливо!.. Ну ведите. Стой! Стой! Дай сидю на епископское место... Господи, какой ветер... Эй, там затворите окна!

/Распахивается дверь. Быстро вводит Франсуа/

ФРАНСУА. А... Гильом... Старый друг... Давно я с тобой не виделся... В последнюю встречу ты ногой посмотрел в мой зад...

ГИЛЬОМ. Ну вот, Франсуа, ты докатился... Ты стал грабителем с большой дороги... А ты был самым способным из нас... Скажу откровенно, мне иногда казалось, что ты способнее меня... Скажу тебе, я иногда перед тобой преклонялся.

ФРАНСУА. Ты, Гильом, не преклонялся, а подлизывался. Ты мне этого простить не можешь...

ГИЛЬОМ. Молчи! Вор! Негодяй!.. Не забывайся, с тобой говорит епископ!

ФРАНСУА. О господи, Гильом, где епископ?

ГИЛЬОМ. Вот я сейчас встану!

ФРАНСУА. Не вставай, Гильом! Ты упадешь на живот, мне тебя не поднять!

ГИЛЬОМ. Ты сейчас расскажем, вор проклятый, куда ты довал деньги!.. Не Гильом, а епископ, чорт тебя побери!

ФРАНСУА. Какие деньги, епископ, чорт тебя побери?

ГИЛЬОМ. Придется пытать... Ну, во имя отца и сына, ведите...

/Франсуа уводит/

Кажется он, правда, не знает, где деньги. Любопытно... заметил дв

он, что деньги взяли мои люди? Ну, это он нам пропсет на колесе и угольках. Во всяком случае, заметил или нет, твое дело конченное, мне любезные мои подданные внесут налог еще раз, поскольку им-то уж доподлинно известно, что их денешки у меня. Что это?! Кто здесь?!

ГЕНРИХ. Это я... твой друг.

ГИЛЬОМ. Какой друг?!.. Генрих?! Как ты вошел?!

ГЕНРИХ. Хорошо ты встречаешь друзей.

ГИЛЬОМ. И так взволнован, Генрих. Один мой друг сейчас пытался меня ограбить.

ГЕНРИХ. Дорогой друг, я в общем тоже пришел за этим.

ГИЛЬОМ. Не шути на ночь, Генрих. У меня отдышка, ты же знаешь.

ГЕНРИХ. Это твоо частное дело, Гильом. Я пришел за деньгами.

ГИЛЬОМ. Какими деньгами?

ГЕНРИХ. Темми, что ты отбил у бандитов.

ГИЛЬОМ. Генрих, ты откуда знаешь?! Какие деньги?!/Генрих молчит/. Но это же деньги... это налоги, собранные с бедных виллаво!

ГЕНРИХ. Ночему же ты делаешь из этого секрет, Гильом? Ладно, не валяй дурака! Тебя предупредили о налете? Не отпирался, предупредили?

ГИЛЬОМ. Да... предупредили.

ГЕНРИХ. Так вот это я предупредил.

ГИЛЬОМ. Сказать можно все, Генрих...

ГЕНРИХ. Ну, ну, не упрямясья. Это мои люди хотели сделать налет. Но потом я подумал, зач м мне делиться с этими ворами и получать четверту часть, когда мы с тобой по-братски поделим пополам.

ГИЛЬОМ. Но это же грабеть!

ГЕНРИХ. Правильно. Впрочем, если ты не хочешь, можно в городе объявить, что деньги у тебя... Только ведь это бунт.

ГИЛЬОМ. Упаси боже! Ладно, чорт с тобой...

ГЕНРИХ. Молодец, толстяк! Есть еще порох, так сказать /тычет ему в живот/ в пороховнице. А Франсуа? Бидел ли он, что деньги попали к тебе?

ГИЛЬОМ. Об этом он скажет на пытке.

ГЕНРИХ. Он может побояться своих приятелей жуликов.

ГИЛЬОМ. Можно одного выпустить и объявить его предателем.

ГЕНРИХ. Молодец... Там есть один, его зовут Питу. Я ему устрою побег. Он может еще пригодиться. А Франсуа?

ГИЛЬОМ. Франсуа? Этого я сгною в подвале... Этого...

ГЕНРИХ. Ладно, с делами покончено. Ну, здравствуй, Гильом.

ГИЛЬОМ. Здравствуй, Генрих. Как ты сюда попал?

ГЕНРИХ. Я здесь набираю отряд. Отец все берет с бургундской фамилией, и мне, культурному человеку, приходится все это терпеть! Подумай!

ГИЛЬОМ. Генрих, ты здесь с отрядом?

ГЕНРИХ. Да, Гильом.

ГИЛЬОМ. Упасно, Генрих! Я прошу тебя, не тронь моих виллянов. Они очень возбуждены!

ГЕНРИХ. Ну... Гильом-ом!.. Стыдись, ты проявляешь малодушие! Веди приготовить мне постель и пошли, ты меня накормишь.

ГИЛЬОМ. Ах, Генрих, ты мелочай... Когда ты станешь серьезным?

ГЕНРИХ. Пойдем, пойдем.

/Открывает дверь. Ветер вздувает портьеру/

Какой ветер... Слушай... А ведь это пикантно, что мы с тобой держим в подвале Франсуа?..

ГИЛЬОМ./свирено/. Я еще в университете об этом мечтал. Пойдем.

Явление 3

Подвале. На голом полу прикованный Франсуа, заросший клокочьями бороды. Как привязанный за ногу ворон, он мечется скачками, волоча по камере цепь, привычно поддерживая ее руками. Губы его трясутся.

ФРАНСУА. Что же делать?! Что же делать?!.. Неужели не было смысла в том, что я жил? Какая мука... Может быть, еще посчитать? Раз... два... три... четыре... Раз... два... три... четыре... Только бы не думать. Раз, два, три, четыре. Так вытекают капли жизни... Зачем я жил? Зачем мы живем? Зачем вообще жизнь?.. Бедные матери, родая нас, выкидывают нас на дорогу к смерти. Вся жизнь мы идем навстречу своей смерти. Неужели весь смысл в том, чтобы неудобнее перетерпеть путь до своей смерти? Мы идем по этой дороге и мы растем и умнеем... Чем больше умнеем, тем ближе к смерти. Чем ближе к смерти, тем больше умнеем... Когда ты понял все, что тебе положено понять — Краш! — стрелка часов протыкает тебе глотку. Кто больше понимает — тот больше думает о смерти. Но ведь если я думаю о смерти, значит, мне плохо, т.к. если бы мне было хорошо, я бы не думал о смерти. Значит причина несчастья не в том, что умел, а в том, что несчастлив... Подумаешь, великая мысль: "Несчастлив потому, что несчастлив"!.. Что ж... не такая уж плохая мысль. Она только означает, что несчастье лежит не внутри меня, а снаружи... Опять!? Как избавиться от привычки обвинять мир в своих несчастьях?! И обвиняю врагов в моих несчастьях, но не я ли наплодил этих врагов? Кто стремился вверх к щеголям и попам и не ужался среди них?! — И — Кто, свалившись вниз, не ужался внизу и решил мстить? Опять я! Низ и верх извергли меня из своей утробы... И вот я догниваю в Гильеромовом нужнике... Неужели это

все? А что бы я стал делать, если бы меня отпустили? Не нужно
лгать, я стал бы делать то же самое... Дьявол меня забори! Дьявол
меня забори!! Раз, два, три, четыре. Раз, два, три, четыре...
Почему другие люди проще улаживают свои счёты со всемогущей?! Раз,
два, три, четыре... Га, два, три, четыре. Очень просто - они
не пишут стихов. Раз, два... может быть в этом все дело? Что
вследствие чего? Что почему? Бедствия мои от стихов или стихи мои
от бедствия? Чорт возьми, вот вопрос! Все дело в том, поэт я или
не поэт... Все дело в этом... Господи! Если ты есть, дай мне
узнать, поэт я или не поэт!.. Когда я пишу - я знаю, что я поэт,
когда я читаю то, что написал... лучше бы мне не читать! Все это
написано мною про любовь - слававо, все, что я написал про хлеб -
застревает в глотке! Вот я вчера написал в новом роде

/Он читает стихи, пацарапавшие на стене/

ПАНСЛА. Не пироги, не сласти на обед
Одна вода, да хлеба кус соленный.
И на подстилку сена даже нет.
Не забывают бедного Вилона.

/Пауза/

Смотри, вчера написал, а сегодня все еще нравится. Может быть, я
все-таки поэт? Хотелось бы мне это знать. Одни говорят, что это
гадость, другие превозносят до небес. Хотелось бы мне поговорить
с порядочным человеком, но где его взять? Судари мои, где это
взять?

/Вводят Жака, кидают на пол, одевают цепь/

Кар-р+ Ка-рр! Вот еще падаль! Вот еще сырое мясо!

ТРЕММЕР. Ты ду, безумный!

ПАНСЛА. Что ты, приятель?

ЖАК. Человек.

ФРАНСУА. Был человек. Теперь ты - отбивная.

ЖАК. Бийон?

ФРАНСУА. Да, Бийон, А ты разве меня знаешь?

ЖАК. Онять ты меня не узнал.

ФРАНСУА. Узнал! Узнал! Это ты накормил меня в кабаке на площади! Давно это было, друг.

ЖАК. Смотри, помнит.

ФРАНСУА. Вот ты мне был нужен... Именно ты! Слушай! Я написал стихи.

ЖАК. Хорошие?

/Молчание/

ФРАНСУА. Неужели это ты?..

ЖАК. Да... конечно. А что?

ФРАНСУА. Ты не спросил, почему стихи! Ты не удивился, что в тюрьме стихи! А почему ты не удивился?

ЖАК. Потому, что я знаю тебя - ты пишешь стихи.

ФРАНСУА. Здравствуйте, месье. Я поэт, а вы кто? Вы жареная теллятина, вот вы кто! Я думал, что встретил душу, широкую, как море! Для которой стихи не безделица, а хлеб насущий! Эта душа не удивилась, встретив в тюрьме стихи, эта душа превозмогла боль собственного избитого тела, спросила мою душу - только - хороши ли стихи?! А оказалось, что этот тип не удивился только потому, что знает мою профессию! Какой ты скучный. За что ты сюда попал? Наверно, за такое же скучное дело. Ты, наверно, заснул на епископском огороде, куда тебя послали махать руками на ворон! Да? Скажи правду. Или нет. Тебя застали, когда ты врал сарые грибочки в грибнице. Да?

МАК. Я отказался уплатить налог епископу.

ФРАНСУА. Ты?! Это невероятно! Почему?

МАК. Потому, что я слышал твои песни.

ФРАНСУА. Ты врешь!.. Ты смеешься надо мной... Конечно, врешь!
Какой же налог, когда налог уже уплатили?

МАК. Налог уплатили, а бандиты его похитили и епископ поставил
взять налог еще раз.

ФРАНСУА (хрипло). Этого не может быть...

МАК. Как видишь, это так.

ФРАНСУА /убито/. Да... я вижу, что это так. Больше ты ничего
не добавишь?

МАК. Нет.

ФРАНСУА. Бедный мой. Ведь это я упрятал тебя в тюрьму... Я
мерзавец.

МАК. Нет, Франсуа, это не ты.

ФРАНСУА. Говорю тебе... я участвовал в налете. И заговорил с
казначеем, пока остальные окружали охрану.

МАК. Я знаю, Франсуа. Люди так говорили.

ФРАНСУА. Потом нас схватили. Но не всех. Часть убежала с
деньгами. Денег не нашли.

МАК. Почему ты знаешь?

ФРАНСУА. Спина моя изрубцованная знает! Лопатки вывернутые
знают! Они добивались, куда я девал деньги!

МАК. Франсуа, ты брал не для себя. Люди знают.

ФРАНСУА. Люди знают? Скажи - это правда?

МАК. Правда!

ФРАНСУА. Вспомнил! Все вспомнил! /Кидается к Мак, но цепь его
валит на пол/. Гх... ха... Мак! Мак! Подтянись на цепи! Я прошу
тебя!

ЖАК. Зачем тебе?

ФРАНСУА. Жак! Я не могу дотянуться! Я хочу поцеловать тебя! Я не дотянусь, Жак! Протяни мне что-нибудь, Жак!

ЖАК. Что ты, безумный... Тите... голову расшибешь!

ФРАНСУА. Жак, ты простишь мне все? Когда я тебя спихнул в воду в Па иже, во мне все перевернулось!.. Ты мне веришь?!

ЖАК. Да верь же... Тите... зачем так... малыш...

ФРАНСУА. Я так устал, Жак! Я устал от своего ума и своего безумия. Я мало прожил и мало сделал, но я успел столкнуть тебя в воду.....

ЖАК. Замолчи!.. Это не ты столкнул! Это они нас с тобой столкнули!

ФРАНСУА. Почему ты все понимаешь, скажи, Жак?

ЖАК. Меня научили добрые люди да и ты... когда ты поешь свои песни. Уже много людей знают наизусть твои стихи.

ФРАНСУА. Знают ли они мои стихи, Жак? Если бы ты знал, как это мне важно! Ведь там нет ничего, что бы их касалось!

ФРАНСУА. Не все сразу, Франсуа, но мы на твоих стихах привыкаем глядеть в свое сердце.

ФРАНСУА. Жак... Неужели я нашел друга? Если ты мне изменишь!..

ЖАК. Молчи!

ФРАНСУА. Я буду тебе читать стихи, а ты мне будешь говорить про них!.. Я буду во всем слушаться тебя!

ЖАК. О господи! Если бы это был не ты - меня бы стошнило! Почему ты должен слушаться меня?

ФРАНСУА. Все! Все узнает про тебя!

ЖАК. Ну, если тебе так нужно... Ты друг, приходи в себя! Не трать на меня пороку и песчинка.

ФРАНСУА. Как! Молчи, если ты болван! Ты песчинка, ты маленький кристалл, но через тебя я вижу Францию! Я был слепым... Вверх - вниз... Я скакал вверх-вниз... Я вижу дорогу... Вот идет народ... На шею ему сели дворяне... на ноги повисли бандиты... А как быть поэту? Я лез вверх - они меня всекли. Я упал вниз - они меня всекли опять... Я не так искал, как. Нужно идти с вами... нужно смириться.

КАК. Хорошо, раз ты говоришь так, то и я тебе скажу... На кой чорт ты нужен людям, смиренный Франсуа?

ФРАНСУА. Неумели ты хочешь, чтоб я сел к тебе на шею, как? Что это? Любовь к рабству? Постой!.. /Пауза/

КАК. Болван! Ты же можешь идти впереди нас всех!.. Если не побойшься!..

/Молчание/

ФРАНСУА /медленно и хрипло/. Какого чорта вдруг все затихло? Что-нибудь случилось?

КАК. Нет, как будто ничего.

ФРАНСУА. Случилось. Я слышал тихий удар грома. Ух... какое освобождение... всю жизнь я старался не струсить... не нужно вверх, не нужно вниз, нужно идти впереди - вот место поэта. Я теперь ни черта не боюсь... Есть горечь и есть сила. Ты просто раньше меня сказал слово "впереди". Я уже все понял сам.

КАК. Не торопись. Ты хочешь все сразу. С одного слова...

ФРАНСУА. Родиться можно только сразу... Все остальное - беременность. Не бойся, как... Я вступил на дорогу к бессмертию... Теперь следи за мной.

КАК. Ну пусть. Тебе видней. Садись. Идут благодетели.

/Звон ключей. Входит тюремщик/

ТОРИЩИК. Вот свежа солонка, друзья мои. Побольше берите.
На голом поду холодно.

/Пауза/

ФРАНСУА. Как! Почему эта задница так подобрела? Ты как полага-
ешь?

ЗАК. Мы народ темный... Нам бы насчет пократь.

ФРАНСУА. Он тоже народ темный. Ему бы тоже насчет пократь.
Наверно, залахло жареным. уж не мое ли диле его привлекает?

ЗАК. Из тебя жаркое, как из кочерги... Но, может быть, ему
нужна кочерга?

ФРАНСУА. Слушай, ты... Я тоже насчет пократь. Ступай, принеси
нам поесть. Слышишь? И побольше!

ТОРИЩИК. Господин Франсуа... во Франции переменялся король.

ОБА. О...!

Явление 4

Площадь базарная. Народ волнуется. Все вооружены.

ГОЛОСА. Ну, мужики! Не поддаваться! Все как один! /Вбегает
всадник/.

ВСАДНИК. Эй, люди! Арманьяки жгут деревни у святой Бригитты!
Готовы ли вы?! Они мчатся за мной вслед!

/Вой женщин/

ОДИН. Ну, христиане, жить нам нельзя - помирать не хочется!
Будем биться!

ВТОРОЙ. Скорей бы уж, что ли!

ТРЕТИЙ. Может, откупимся? А?!

ЧЕТВЕРТЫЙ. Гнать его подлца! Бьеду он против лдей! Боиючая
твоя душа, правильно Виллон про тебя сказал!

ВТОРОЙ. Не послушали Франсуа, а все одно этим кончили.

ПЯТЫЙ. Ладно, поздно говорить! Эвай - стой кренче!

ВТОРОЙ. Я то уж постой! Мясники ребята бойкие!

ПЕРВЫЙ. Арманьяки идут!!..

/Входит толпа воинов. Впереди отец Арманьяк,
Генрих и Ла-Гир/

ГЕНРИХ. Нам загораживают дорогу.

АРМАНЬЯК. Ла-Гир, разгоните эту сволочь!

/Рев. Общая свалка. Мясник бьет Арманьяка отца и убивает его. Генрих кидается на него и валит. Взмахивает ножом. На него наваливаются воины. Он вырывается, крипит. Кто держат. Появляется худощавый человек в бархатном черном плаще и вязаном берете. С ним свита. Смотрит/.

ГОЛОСА. Стойте! Стойте!.. Король! Король!

/Бежит навстрочу Гильом/

КОРОЛЬ. Приветливо меня встречает ваш город, епископ.

ГИЛЬОМ. Ваше величество!

КОРОЛЬ. Подберите живот, епископ.

ГОЛОСА. Да здравствует король! Да здравствует король! Будь нашим господином. Господин! Защити нас! Плохо живем! Кто хозяин, не знаем!

КОРОЛЬ. Дети мои! Я ваш господин, и никто больше! Я, Любовик одиннадцатый.

ВСЕ. Виват! Слава! Слава!

КОРОЛЬ. По случаю моего приезда в город Мен, освободить всех узников! Епископ, открыть подвалы!

ГИЛЬОМ. Ваше величество...

КОРОЛЬ. Ну, что еще?

ГИЛЬОМ. Кроме одного узника... Там сидит Франсуа Вийон...
Я умоляю вас..

КОРОЛЬ. А, король поэтов? Вот он куда девался. Вы знаете, господа, человек, которого увенчал лаврами Карл Орлеанский, сидит здесь в подвале.

ПРИВОРНИК. Возмутительно! Чудовищно! Это неслыханно! Такое варварство!

КОРОЛЬ. В чем дело, епископ?

ГИЛЬОМ. Ваше величество, он смущал народ...

КОРОЛЬ. Да-да, вы правы... Но я вас велю кинуть в башню, если хоть одна дверь останется закрытой.

ГИЛЬОМ. Ваше величество, он богохульник.

КОРОЛЬ. Э-э, пустяки... Еще что?

ГЕНРИХ. Он сидит за грабеж.

КОРОЛЬ. Граф д'Арманьяк осуждает грабеж? Си, вы подрываете семейную коммерцию. Кстати, Арманьяк. Ваш отец "Граф Божьей милостью"... Этот титул всвергнул его в гордыню, и это стоило ему имения и жизни. Я уважаю ваши сыновние чувства и не делаю обременять вас тяжкими воспоминаньями, связанными с этим титулом. Я его отменяю.

ГЕНРИХ. Что?!

КОРОЛЬ. Этот пресловутый "Граф Божьей милостью"... Что он означает? Ровно ничего... Фикция. Все титулы даются милостью короля.

ГЕНРИХ /хрипло/. Этому титулу... тысяча лет...

КОРОЛЬ. Еще одно слово и с вами может случиться несчастье.

/Ведут освобожденных из тюрьмы/

ВСЕ. Биват нашему королю, нашему господину!

КОРОЛЬ. Я не вижу Вийона.

ПРИДВОРНЫЙ. Вот он, ваше величество.

/Вводят Франсуа/

КОРОЛЬ. Это Франсуа Вийон?

ФРАНСУА. Да... это все, что от меня осталось. Какой свежий воздух! Как легко дышится! А вот и мой друг, епископ... Гильом, ты помнишь, мы сидели за одной партией?..

ПРИДВОРНЫЙ. Это чудовищно! Человек, которого венчали лаврами, брошен в темницу!

ФРАНСУА. Нустьяки, месье, лавровый венок я давно кинул в суп... Ах, какой воздух!

ПРИДВОРНЫЙ. Смотрите, музы плачут при этом зрелище!

ФРАНСУА. Возможно... Я не заметил... Почему я не вижу Жака? А! Где он? Я вас спрашиваю?!

КОРОЛЬ. В чем дело?

ГИЛЬОМ. Есть еще один узник... но это должник, ваше величество...

КОРОЛЬ. Так... Ну, должников я не касаюсь. Имущество святое дело.

/Вийон поворачивается уходить/

Куда вы, Вийон?

ФРАНСУА. Я передумал... Я еще посыжу...

КОРОЛЬ. Что такое?!

ФРАНСУА. Я подожду еще одного короля... Может быть, он принесет правду...

/Общий ужас/

ГИЛЬОМ. Схватить его!

КОРОЛЬ. Кто здесь король?! Вы... столосны... Отпустить его друга...

ВСЕ. Биват, король! Биват Франсуа! /Все убегает/

КОРОЛЬ. Болваны! Его лучше иметь с нами, чем против нас!

/Все уходят. Площадь пустеет. Гильом и Генрих стоят у подножья башни/

ГИЛЬОМ. Нас разгромили, Генрих. Мне тебя жаль. Но, кажется, все пронесло. Я думал, Франсуа начнет болтать. Что с тобой? Ах, да... Отец... Но все мы смертны. Надо жить. Надо жить...

ГЕНРИХ. Если Франсуа приедет в Париж, он встретится с Питу... Вылезет вся история. /Гильом садится/. Людовик ввел суды для дворян...

ГИЛЬОМ. Мерзавец! Это все ты! Ты меня втравил в это дело!

ГЕНРИХ. Молчи, сейчас поздно говорить об этом.

ГИЛЬОМ. Говорил! Я говорил, что не надо было отпускать Питу! Я говорил!

ГЕНРИХ. Молчи, свинья, или я задумю тебя! Надо ехать в Париж. К Сен-Полю. Он теперь папский кунци. Есть надежда только на него... Встань, свинья! Надо ехать в Париж.

ГИЛЬОМ. В Париж... Да-д... В Париж!

З А Н А В Е С

А К Т 3

Явление I

Париж. Вечер. Белый месяц на сиреневом небе. Буассон с женой у городской стены, место круглою буржуа. Пустеет.

ЖЕНА. Давай с тобой посидим еще немного. Мне что-то тревожно на душе. Такой месяц...

БУАССОН. Тебе не будет холодно?

ЖЕНА. Нет, что ты. Кто-то едет...

/Подъезжают два всадника. Гильом и Генрих/

ГИЛЬОМ. Как ты думаешь, успеем ли мы проскочить?

ГЕНРИХ. Я думаю, ворота еще не закрывали. Да вот спроси у этого малого.

ГИЛЬОМ. Любезный... проеду я в городские ворота?

ПРОХОЖИЙ. Толстоват правда... Хотя телега с сеном проскачет, проедешь и ты.

ГИЛЬОМ. Вот тебе новые порядки.

/Проезжают/

ЖЕНА. Почему ты прячешься в тень? Кто эти люди?

БУАССОН. Я их знал когда-то. Это Гильом и Генрих д'Арманьяк.

ЖЕНА. Как этот самый Арманьяк?

БУАССОН. Нет, это сын его. Король отнял у него титул. Вероятно, приехал хлопотать. Да, когда-то я был знаком с этими беспутными. Они завлекали меня в свои сети, но я устоял, а вот Франсуа Вийон не устоял и погиб.

ЖЕНА. Этот твой Вийон... Ты так часто о нем говоришь... Кто он такой?

БУАССОН. Это поэт... Может быть, даже великий поэт... Нет, не великий, конечно. Великий поэт не может быть несдержан. А бедный Франсуа был несдержан. Он был очень не сдержан.

ЖЕНА. Почему был?

БУАССОН. Он бесследно пропал много лет назад, когда его изгнали из Парижа... Дело в том, что его секли на Гревской площади...

ЖЕНА. Какой ужас! Он совершил преступление?

БУАССОН. Вероятно, да... Во всяком случае, он с компанией этих цеголей, Гильома, Генриха и других, совершал различные бесчинства.

ЖЕНА. А их тоже секли?

БУАССОН. Нет, что ты! Наоборот... Они-то и добились этого приговора.

ЖЕНА. Не понимаю.

БУАССОН. Мы тоже не поняли ничего... Но факт остается фактом. Франсуа навсегда опорочен и не может быть принят в общество.

ЖЕНА. А потом что было с ним?

БУАССОН. Потом доходили о нем самые противоречивые слухи. То говорили, что он победил на турнире поэтов, и великий поэт герцог Карл Орлеанский сам увенчал его лавровым венком. То говорили, что видели его поющим в трактирах за кусок хлеба.

ЖЕНА. Это невозможно! Одно исключает другое.

БУАССОН. Это так. Впрочем, кто его знает. Мне его жаль. Он человек одаренный. Он лирик. Его стихи таковы, что от них ожимаешь сердце... К сожалению, я не могу тебе их прочесть. Они полны грубостей и неприличий.

ЖЕНА. Как могут быть хороши стихи грубые и неприличные?

БУАССОН. Ты не понимаешь, дорогая. Он просто человек крайностей. Он увлекается мыслью или чувством и теряет самообладание. Но у него есть прелестные вещи. А самое главное в жизни — это чувство меры, самообладание. Ах, сколько раз я плакал над его стихами.

ЖЕНА. Мне кажется, ты преувеличиваешь его достоинства. Ты скрсе мен, это в тебе привлекает, но нужно же знать себе цену.

БУАССОН. Дорогая, мне пришлось пройти путь тяжелых лишений и страданий, и жизнь научила меня скромности.

ЖЕНА. Бедный мой!

БУАССОН. Да, я работал, не разгибаясь. Я гнул спину в канцелярии суда, а он предпочитал отмахиваться от всего. И вот теперь, достигнув положения и оглядываясь назад, я вижу, что прав был я, а не Франсуа.

ЖЕНА. Милый.

БУАССОН. Он хотел легких успехов, он не хотел трудиться. И помню, когда я его предостерегал от знакомства со щеголями, он мне сказал, что не хочет давить со мною /прости меня/ клопов в городской ратуше. И вот теперь кто он, и кто я. Он пропал без следа и известности, а я скоро стану председателем парижского суда. У меня прелестная жена, я полон сил и собираюсь еще много лет послужить моему королю и тебе.

ЖЕНА. Милый...

БУАССОН. Постой... Тсс...

ЖЕНА. Что с тобой?

БУАССОН. Молчи...

/На стену на фоне неба вбираются два человека. Один сидит среднего роста. Другой повыше и тощий. Они разваливаются, задирая ноги. /

Знакомые голоса.

ФРАНСУА. Фух...

ЖАК. Посмотрите на этого долговязого.

ФРАНСУА. Да, я долговязый. И молодец. Хочешь, я воспой меня? Он пришел долговязый и сел на стену Парижа. Он задирает длинные

ноги и смотрит на них при свете луны. Он вытягивает сматые руки, и пальцы его хрустят. /Зевает/. Он смотрит на мир и зевает.

ЖАН. Молчи, дьявол.

ФРАНСУА. Вот Париж... Я снова пришел к тебе Париж. Большие черные птицы летят под луной в синем небе. Я пришел, и голова моя в снегу. Колпак мой драный, перо сломано и плечи покрыты пылью. Здравствуй, Париж.

/Буассон, сняв шляпу, делает шаг к стене с фигурами и кланяется/

ЖАН. Ты так ждал встречи с городом. Откройся ему. Объяви свое имя. Видишь, тебя приветствуют толпы? Ну чего ты ждешь? Откройся.

ФРАНСУА. Я жду, когда передохнут мои комментаторы со шляпами в руках. Ну, пригай.

/исчезают/

ЖЕНА /шопотом/. Кто это был?... Почему ты кланялся?... Я боюсь. БУАССОН. Мне самому не по себе... Это бед Франсуа Бийон...

явление 2

Перед занавесом монах и Сен-поль, папский нунций.

НУНЦИ. Все ли готово?

МОНАХ. Вот еще образ святой Барбары взять. Господи, хоть бы все прошло удачно.

НУНЦИ. Что за малодушие, сын мой!

МОНАХ. Такие времена, ваша милость. Народ стал сумасшедшим. Святых не чтит. Прилетит ли король солдат?

НУНЦИ. Обещал прислать.

МОНАХ. Да, стадо запаршивело.

НУНЦИ. Каков пастырь, таковы и овцы. Неслыханное дело. Король теснит великие фамилии голытьбе на радость.

МОНАХ. Голытьба поднимает голову. Только бы этот бродяга не явился.

НУНЦИИ. Не надейся, сын мой. Сатана пирует в Париже, и слуги его ликуют.

МОНАХ. Заметьте, ваша милость. Чуть малейшее брожение, тотчас появляется этот проходимец.

НУНЦИИ. Черви разводятся на гнилом мясе.

МОНАХ. Как только Вийон появился в Париже, все подонки подняли голову.

НУНЦИИ. Подонки подонками остаются. Их можно купить, можно выслать. Подкупаются суконщики и оружейники. Это похуже. А бешеные подмастерья ходят за ним стадом, распевая безбожные песни. Студенты ночи напролет воют его куллеты, и весь Париж становится сумасшедшим домом... Ну, благослови тебя бог... Иди. /Уходят/.

/Занавес открывается. Площадь перед собором. Народ.

Странники. Появляется монах. Дум стихает/

МОНАХ. Достопочтенные братья и сестры во Христе! Святая римская церковь, общая наша мать, обратила лицо свое к Франции и узрела бедствия ее. Страдания ее народа неописуемы. Бедствия, постигшие эту землю, вот уже сто лет наполняют ужасом сердца христиан. Доколе будете терпеть? Вопросаю вас?! Доколе жизнь наша будет столь голодна и морозна? Разве не умирают дети ваши, разве не бьет засуха поля ваши?

ГОЛОС. Правда, святой отец!

МОНАХ. Слезы льются у святой церкви! Плачет она и ликует. Плачет от страданий своих детей, ликует же, ибо знает о том счастье, что идет в садах богородицы души страждущих, тех, кто земную ядоль проходит по пути стenanья! Грех бродит по миру...

/Монах останавливается. Едут Франсуа и Жак, которые поют песню/.

Голос. Э, Франсуа... Пришел покаяться?

ГОЛОСА. Тс-с!.. Тше!..

ФРАНСУА. Продолжайте, месье! Я вам помешал? Вы остановились на словах: "грех бродит по миру".

/Хихиканье/

МОНАХ. Грех бродит по миру! Сатана пирует в Париже, и слуги его ликуют! Покайся неразумный народ! Покайся народ заблудший и погибающий!

/Франсуа вскакивает на бочку/

ФРАНСУА. Почему остановились, отче? Вы хотите, что бы я продолжил проповедь? Ведь мы же знаем, как это делается. Говорил он вам про ваши бедствия?

ГОЛОСА. Говорил!..

ФРАНСУА. Каяться велел? Ах, да, велел. Значит, нужно требовать денег. Он скажет, что все беды ваши от того, что римская церковь забыта вами, храмы оскудели, и богородица сидит некоринфская! А когда вы сами будете есть досыта? Вы будете есть на том свете! Скорее помирите ljudi и вы будете обедать с ангелами! А почему этот монах сам не хочет помирать? Ему еще есть не хочется!

МОНАХ. Не слушайте еретика! Господь ниспосылает испытания и смерть только тем, кого он любит!

ФРАНСУА. Люди! Теперь вам понятно, почему расплодился монахи? Господь терпеть не может монахов и смерть на них не посылает!

/Хохот/

Они гложут вас, дурачье! Они сосут вас и требуют, чтобы их благодарили. Конечно! Дайте им десятину! Дайте им десятую часть и от хлеба, и от вина, и от овец, и от дочерей ваших, а потом покайтесь! В чем каяться, я вас спрашиваю, не в том ли, что дали им десятину?!

МОНАХ. Хихих Еретик! Закон церкви - божественный закон!

ФРАНСУА. Врежь, монах! Каждый божественный закон написан либо в Ветхом, либо в Новом завете, и ни в одном из них я не нашел, чтобы попеченье о светских делах было поручено духовенству! Разве мы звали эти попов?! Разве мы сами не сумеем съесть свой хлеб и плодить своих детей?! Разве нам ну на помощь?! Смотрите, вы в локтях, а от попов разит розовым маслом. Ваши желудки пусты, как и ваши пошельки, а у богачей и попов: желудки набиты жареным хлебом и мясом перепелов, политых растопленным маслом. Жены их не хотят питаться простою едой, а это на заморское блюдо они жрут, как кобылицы на зерку овса! Вот стоят ткачи! Вот стоят оружейники! Где ваша сила, кузнецы?! Все съедено синьорами и попами! Вот красильщики! Эй, красильщик! Одежда твои в лохмотьях, ты грязен и не мыт! Весь ты смердит как тухлая рыба, и желудок твой съеден черным паром! А кто эти люди, бледные как смерть, которая стоит у них за спинами?! Смотри монах - это ткачи! Они в подвалах ткут пряжу, чтобы ты ее носишь. Они сидят, скрюченные, как нерожденные младенцы, упирался сердцем в свои колени! Стены трясутся от их хриплого дыханья! А вон господин стоит на пороге дома бедного художника... Сделаете посмотреть вещи, месье? Ну, пожалуйста, месье! Это все хорошие вещи... Вот эту я делал пятнадцать ночей... И согласен уступить... Может быть, вот эту, месье? Месье, месье, не уходите! У меня маленькие дети!.. И господин уходит, не взглянув. Смеется, монах!.. Я вижу, как рыдает этот художник... Это хороший художник, потому что нахальная бездарность, заломив перо за спину, торгует в передних у вельмож. Счастье людей у всех под руками, но оно легче дается грабежу, чем жизни трудовой, и люди по ирают друг друга и маленькому человечку живется все хуже и хуже!

ОНАХ. Народ, не слушай его! Это бунтовщик!! Вийон, я проклинаю тебя, а Парижу предрекаю несчастье!

/Вийон надаёт на бочку в корчах. Все в ужасе замирают/
ВСЕ. Ч до... Чудо! Чудо!!!

/Монах обалдело смотрит. Вийон поднимается, чистит колпак
и раскланивается среди всеобщего изумления/

ФРАНСУА. Вот так они делают чудеса, эти жулики!

/Восторженный рев/

Люди, слушайте! Я тоже пророк! Я вижу, что будет с нами, если
будем платить десятину римской церкви! Идут чёрные бури! Выпьют
воду из деревенских прудов... Повалят кастаны на сломанные ко-
лодцы... ковром смерти уложат саравчу под ноги! Разширяет вороны
и монахи! Вот она, римская ласка!

МОНАХ. Ты лжешь! Сатана! Ты лжешь! Сам король разрешил брать д
десятину! Молитвы Рима спасли Францию от англичан!

ФРАНСУА. Спасенные владетели приторговывают мясом своих под-
данных! Вот правда! Вся история Франции состоит в том, что ее про-
давали правители и выручали простые мужики!

МОНАХ. Ложь! Ложь!

ФРАНСУА. Молчи, монах! Я родился в тот год, когда благодар-
ный король подарил на жаркое англичанам бедную Жанну д'Арк! А
вот эта девочка, сохранив ему корону, спасла его плешь от про-
студы!

/Восторженный рев/

/На балкон выходит Сен-Поль с солдатами/

МУНИЦИ. Именем святого престола, приказываю взять бунтовщика
и ерестина, а также его сообщников!

/Стража кидается в толпу. Свалка./

Человек З.

Ночь. Ливень. Мокры ветки деревьев хлещут по стене, бедующей
в постоянных всплесках молнии. Подъезжает кар та. Из нее высажи-
вает человека.

ПИТУ. Слушаюсь, святой отец.

НУНЦИИ. Его проведут по этой дороге. Ну, смотри... Франсуа пойдет посредине, не промахнись.

ПИТУ. Полагайтесь на меня. Второй раз эта тварь не уйдет.

НУНЦИИ. Да, кажется, у тебя свои причины.

ПИТУ. Еще бы. Такой был валет прекрасный. Взяли телегу денег. Кто выдал? Франсуа! Нет, черт возьми, меня трисет от бешенства. Не могу понять, Сен-Поль, зачем он это сделал?

НУН ИИ. Наивный человек... Из-за тебя его секли на площади...

ПИТУ. Как из-за меня? Хотя можно понять и так... Ну, собака! Ладно, поезжайте.

НУНЦИИ. Смотри... /уезжает/.

ПИТУ. Неудели правда, что Франсуа нас выдал? Питу, ты перестал понимать людей. Ого... идут... /Скрывается/

/Идут Гильом и Генрих, кутаясь в плащи/

ГЕНРИХ. Какого черта ты вызвал меня сюда.

ГИЛЬОМ. Сейчас, сейчас, Генрих! Сейчас. Вот уже пришли. Это здесь. Вот по этой дороге поведут Франсуа.

ГЕНРИХ. Опомнись, он сидит у Сен-Поля в подвале.

ГИЛЬОМ. Король потребовал, чтобы его судили открытым судом, а не церковным. Народ волнуется, престиж короля и прочее.

ГЕНРИХ. Кто же взяли, как еретика.

ГИЛЬОМ. Нет, его будет судить уголовный суд.

ГЕНРИХ. Та-ак... Что же делать?

ГИЛЬОМ. Генрих, ты понимаешь, если всплывет история с ограблением епископской казны, то тебе головы не сносить. Мы не успе-ем уехать. Они нас догонят.

ГЕНРИХ. Что же делать? Что же делать? Боже!

ГИЛЬОМ. Генрих, сейчас все зависит от тебя.

ГЕНРИХ. Что же делать?!

ГИЛЬОМ. Генрих, есть единственное средство. Прикажи Катерине уговорить Франсуа не упоминать о нас на суде...

ГЕНРИХ. Катерина?! Ты с ума сошел?!

ГИЛЬОМ. Генрих, Генрих! Это необходимо!

ГЕНРИХ. Молчи, тварь! Ты забыл кто я! Ты хочешь, чтобы я торговал своей любовницей? Только ты мог придумать это! Подлец!

ГИЛЬОМ. Я подлец? Мадно... Гильом дрянь! Гильом хитер! Но ты, благородный Генрих, будешь в ногах являться у Гильома, чтобы я спас твою шкуру! Я уйду, но если из-за тебя нас схватят, — я тоже не промолчу о том, как ты выдал собственных бандитов, чтобы поделить со мной деньги!

ГЕНРИХ. Молчи, тварь, или я прикончу тебя!

ГИЛЬОМ. Поздно, Генрих! Теперь не прикончишь! Ты уже не граф божьей милостью. Я уйду.

ГЕНРИХ. Постой...

ГИЛЬОМ. Живей... остается считанные минуты!

ГЕНРИХ. Франсуа поведут солдаты?

ГИЛЬОМ. Не бойся, Генрих, они подкуплены... Ты не огорчайся, все будет хорошо. Франсуа никогда не мог устоять перед Катериной.

ГЕНРИХ. Прочь! Мразь! Прочь!

ГИЛЬОМ. Хорошо... Хорошо... Иду... /уходит/

/Иходит Катерина де Вессель/

КАТЕРИНА. В чем дело, Генрих? Зачем он нас сюда привел? Мне холодно.

ГЕНРИХ. Катерина! Мы пропали!

КАТЕРИНА. Что такое? Что он тебе сказал?

ГЕНРИХ. Катерина, ты должна спасти меня! Слышишь?

КАТЕРИНА. Что же мне остается делать?

ГЕНРИХ. Катерина! Я был плох с тобой, все это время! Но все переменится!

КАТЕРИНА. Мне становится странно... Что тебе еще нужно от меня?..

ГЕНРИХ. Катерина... Есть некоторые дела... Катерина, я хочу, чтобы ты уговорила Франсуа не упоминать мое имя на суде.

КАТЕРИНА. Что ты сказал?..

ГЕНРИХ. Катерина!

КАТЕРИНА. Я давно знаю, что ты подлец... но не думала, что ты кот...

ГЕНРИХ. Катерина! Это необходимо...

КАТЕРИНА. Ты, с моей помощью погубивший Франсуа, ты просишь, чтобы я его уговаривала!

ГЕНРИХ. Катерина, если ты не уговоришь Франсуа - мы погибли!

КАТЕРИНА. И уговорю Франсуа? Он плюнет мне в лицо! На большее рассчитывать нечего. Неужели у тебя так плохи дела?

ГЕНРИХ. Катерина! Минуты бегут... Сейчас его поведут по дороге. Солдаты подкуплены... Только ты можешь спасти нас... Не забывай; ты ведьма ребенка... Франсуа не стоит перед тобой!

КАТЕРИНА. Ты трусил, Генрих... Ты давно уже потерял все перья, которыми и тебя изукрасила в своей душе, но на тебе оставалась корона - ты был храбр... И вот ты в грязи. И перед кем? Перед Гильомом! Иди, убей его!

ГЕНРИХ. Не могу, Катерина, король отменил мой титул...

КАТЕРИНА. Да, ты был храбр, когда за твоей спиной стояли головорезы, которых ты выменивал на золото. Молчи, я все знаю! Бийон! Как вы смеялись над бедным Бийоном! Вам легко было чувствовать превосходство!

ГЕНРИХ. Время идет! Время идет! И умоляю тебя, уговори Бийона,

чтобы он молчал, и мы умчимся с тобой на край света. Кони за оградой.

КАТЕРИНА. Трус.

ГЕНРИХ. Я убью тебя!

КАТЕРИНА. Глупости, ты больше не граф божьей милостью. Пусти, Генрих, идет Франсуа. /Солдаты вводят Франсуа. Катерина кидается на колени в грязь на дороге. Солдаты расступаются. Франсуа отскакивает, подняв вверх руки с кандалами/.

ФРАНСУА. Прочь! Я расшибу тебе голову! Вы... собаки, что же вы не защищаете меня?

КАТЕРИНА/поднимает лицо/. Франсуа, ты не узнал меня?

ФРАНСУА. Катерина?!

КАТЕРИНА. Франсуа, делай что хочешь, но не упоминай имени Генриха на суде!

ФРАНСУА. Давно я тебя не видел, Катерина, ты плохо выглядишь... Эй, стража! Оттащите ее в сторону и ведите меня в тюрьму, или я заявлю, что вы подкуплены!

КАТЕРИНА. Франсуа! Спаси моего ребенка!... Он ни в чем не виноват... Не губи его...

ФРАНСУА. Ребенка надо спасти... Когда-нибудь скажи ребенку, что его мать и человек, который мог бы быть его отцом, попали в клоаку, думая попасть в большой свет. Ты права, я не могу тебя судить. Я сам был таким. Прощай, Катерина. Когда-то я тебя любил.

/Уходят. Входит Генрих/.

КАТЕРИНА. Я сделала, как ты просил... идем...

ГЕНРИХ. Ну, поговорила со своим Вийсоном? Просиулась старая похоть?

КАТЕРИНА. Генрих!

ГЕНРИХ. Ты издевалась надо мной, гадина!

КАТЕРИНА. Генрих! Генрих!

ГЕНРИК - Ковы двох не унесут!

КАТЕРИНА - Генрих! Не оставь меня!

ГЕНРИК - Прочь! Сука!

/хледет ее плетью/

Раз! Два!

КАТЕРИНА - Ох!

/падает. Генрих убегает. Раздается стон. Возня. Крик Генриха/.

КАТЕРИНА - Боже, что это?

/хрип/

/Выбегает Питу. Его хватают подбежавшие солдаты/

ФРАНСУА - Питу?!

ПИТУ - Франсуа! Это Генрих выдал всех Гильому епископу! Теперь он покойник.

/Все уходит. Остается Катерина, которая встает, держась за стену/.

Явление 4

Тюрьма Парижа. Огромный подвал с прикованными к стенам заключенными. Женщины. Дети.

ПИТУ - Я не хочу! Я не хочу! Куда вы меня тащите?

ФРАНСУА - Смотри, это Питу... Куда они его потащили?

ЖАК - Обычный конец вора.

ФРАНСУА - Какой это вор? Это несчастный. Когда негде работать, долго ли поскользнуться? Каждого вора обманул вор постарше

ЖАК - Франсуа, а самого старшего?

ФРАНСУА - Тс-с... Ты касаешься священной особы короля.

ЖАК - Молчи, продиный. Здесь уши.

ФРАНСУА - Здесь уши и там уши. Уши здесь и уши там. Уши, что здесь нужно вам?

/целкает мальчишку по носу/

МАЛЬЧИШКА - Попочка! Не знаешь, где уши, где нос! Деревня!

ФРАНСУА - Ло! Парижские дети! Собственно, касайся короля или нет, а придется нам покачаться...

ЖАК - Переменим тему. Что ты на этот раз пишешь?

ФРАНСУА - Пишу эпитафию, Жак.

ЖАК - Торопись на виселицу?

ФРАНСУА - Друг Жак. Неужели у тебя сомнение. Приговор уже составлен, им остается сыграть комедию.

ЖАК - Понятно. И ты хочешь скрасить им неприятное чувство.

ФРАНСУА - Вроде того. Вроде того. Но знаешь, именно теперь мне бы не хотелось умереть. Мне это стало не безразлично, друг. Я как-то не привык умирать.

ЖАК - Ты попробуй, Франсуа. Может быть, тебе понравится.

ФРАНСУА - Я это и пытаюсь сделать в своей эпитафии. Вот слушай.

Люди, братья люди.

Вот мы висим пятеро

Раскачиваясь под ветром

И вороны и дятлы выпили нам глаза?

ТЮРЕМНИК - Тише, сволочь! Простите, господин судья... Я не заметил вас.

БУАССОН - Ничего, мой друг. Ступай себе.

ТЮРЕМНИК - Господин судья, вас проводить?

БУАССОН - Ступай, ступай!

ТЮРЕМНИК - Слушаюсь.

БУАССОН - Здравствуй, Франсуа. /идет глазами/ Боже, кто это? Боже мой! Франсуа!

ФРАНСУА - По моему, это Буассон.

БУАССОН - Это я, Франсуа... Боже мой! Не думал я, что встречу с тобой при таких обстоятельствах. Ты сильно изменился...

ФРАНСУА - А ты все такой же - причитаешь, как кормилица.

БУАССОН - Тебе тридцать лет, а ты седой.

ФРАНСУА - Возраст пожилого мула.

БУАССОН - Нет. Ты все еще мальчик. Ты такой же беспокойный.

ФРАНСУА - Спокойным я буду в могиле... И я не мальчик, Буассон. Я просто сейчас маленького размера. Я расту и уменьшаюсь, расту и уменьшаюсь. Больше меньше. Больше меньше. Тик так, тик так, как сердце.

БУАССОН - Все беды твои, Франсуа, в том, что ты мил сердцем. Ты образован, но мудрость прошла мимо тебя.

ФРАНСУА - Да как сказать... Черное и белое я различаю... Когда молоко запятнано муками, например. Еще различаю цвет крови. Сегодня поэта вся мудрость в этих красках.

БУАССОН - Да, ты всегда был невосдержан на слово, и это тебя погубило. Ну зачем ты связался с попами. Жить людям легче. Король к тебе хорошо относился. Ты мог занять место в жизни, которое тебе подобает. Ты заслужил бы любовь лучших людей. Ты мог бы петь, как птица.

ФРАНСУА - Это только кажется, что птицы в клетках поют. На самом деле они плачут.

БУАССОН - Ты все остришь, Франсуа. Все ~~идти~~. Талант так недолговечен. Еще два, три года, и пересох бы ручеек твоего остроумия. Уже сейчас он пованивает болотцем.

ФРАНСУА - Врешь, Буассон. Дума моя рождает только песни любви. А острооты мои это искры, которые выскает из моего ума сама жизнь. До тех пор, пока сталкивается мой ум с вашим безумием, - запас остроот бесконечен.

БУАССОН - Твоя речь перегружена. У нормального человека кружится голова.

ФРАНСУА - Ну да, тебе что-нибудь попроще. Углый челн по воле воли, что-нибудь в этом рода? Правда, Буассон?

БУАССОН - Мы люди простые...

ФРАНСУА - Ну да, вы люди простые. Вам бы насчет позрять.

БУАССОН - Ты груб, но ты обижен, и я не могу на тебя сердиться.

ФРАНСУА - Это ты обижен и унижен, а не я.

БУАССОН - Что ты болтаешь, Вилон? Я вознесен моим королем в меру моих заслуг.

ФРАНСУА - Ты не вознесен, а унижен.

БУАССОН - Ты всегда выворачивал понятия на изнанку, но смысла тебе не извратить. Ты сидишь в яме, Франсуа, и я, Буассон твой судья!

ФРАНСУА - Бедный, серый, Буассон. Это тебе кажется, что ты судья. На самом деле ты холуй. Ты этим унижен и ненавидишь меня за то, что я это понимаю... И за это ты будешь судить меня по всей строгости законов.

БУАССОН - Врешь ты! Тебя будут судить беспристрастно! Мне нет причин тебя ненавидеть!

ФРАНСУА - Как нет?! Ты гнул спину в канцелярии, а я плевал на это! Ты лизал колени у начальников, а я говорил им в лицо все, что хотел! Ты на четвереньках до пола до кресла судьи Париза, а я в тюрьме смеюсь над тобой! Как же нет причин для ненависти?! Ты

же раб Буассон!.. Вот я сижу на цепи, а ведь я свободен по сравнению с тобой, спеленутым!

БУАССОН. Ты!.. Ты!..

ФРАНСУА. Видишь, тебе хочется меня вудуть, а ты не можешь себе позволить, потому что напялил маску беспристрастного!

ГАСМАРОН. Король наш наводит порядок в стране. Он дарует людям правосудие, а ты злоупотреблял дарованной свободой и ты будешь наказан!

ФРАНСУА. У дарованной свободы на спине написано "рабство"! Действительно, имеет только ту свободу, которую сами завоевывают! Прощай, Буассон. Я занят, я готовлюсь к вечности.

БУАССОН. Прощай, Франсуа.

/Буассон уходит. Тюремщики проносят человека/

ФРАНСУА. Несите мимо. Живо! Живо!

ЖАК. Франсуа, не гляди. Эй, придержите его там!

ФРАНСУА. Как... Жак... Не старайся... Я все видел... Это Питу... Он, вероятно, убит "при попытке к бегству"... Мужик пьет твои губы, и рука твоя исстел пилль... А ты уже начинал становиться человеком... Они не любят лишних улик... Друзья! Я вас научу песне! Хорошей песне! Только ее надо петь хором!

ТЮРЕМЩИК. Эй, живон... Петь запрещено.

ФРАНСУА. Запрещено? Тогда я пою!

/Пост. Все постепенно и яростно подтягивает/

/Тюремщики кидаются на смертников/

ТЮРЕМЩИК. Замолчать! Плетей!

ФРАНСУА. Поите! Он убить нас не посмеет! Нас должны завтра повесить! Господин король любит свежее мясо! Он хочет правосудия — он его получит. А тебя, падаль, лишат должности и посадят сюда! Ты вонючий! Запах крови, которым ты пропитался, не может заглушить вони из твоего рта! Значит, ты скоро умрешь! Ты покроешься гнойничками, и у тебя отвалятся все выступающие части. Ты станешь куском гниющего мяса. Я уже вижу смерть на твоей спине!

Раз! Два! Три! Четыре!

Звезда моя...

/Все поет громче и громче/

Явление 5

Перед занавесом. Буассон и жена. Буассон хмур и озабочен.

ЖЕНА. Я очень волнуюсь за тебя.

БУАССОН. Не беспокойся, все будет хорошо.

ЖЕНА. Самое главное не поддавайся слабости. Ты должен забыть про этого Вийона. Перед тобой преступник, и больше ничего.

БУАССОН. Я знаю, дорогая, но это не так легко забыть.

ЖЕНА. Ты должен! Должен! Понимаешь? После тех оскорблений в тюрьме он не может рассчитывать на твою дружбу. Он не дорожит твоей дружбой. Он плюнул тебе в душу. Я знаю, ты целую ночь не спал. Я все видела.

БУАССОН. Хорошо. Хорошо. Ступай. Вот идет Сен-Поль. Он назначен обвинителем.

ЖЕНА. Помни все... / уходит/

/Входит Сен-Поль/

НУНЦИИ. У вас все готово, господин судья?

БУАССОН. Вполне.

НУНЦИИ. Скажу по правде, я озабочен этим процессом. Это по вашей вине Буассон. Если бы не вы, его бы судил верховный суд. Все ваш дуррацкий доклад королю.

БУАССОН. Вы бы об этом не заботились. Приговор давно готов.

НУНЦИИ. Да, но его надо представить через головы черни, с которой заигрывает король.

БУАССОН. Я прошу вас не затрагивать особу короля.

НУНЦИИ. Сын мой, когда римская церковь дает указания, то им следует без рассуждений. Кстати, ваш пост парижского судьи еще не утвержден... От этого процесса многое зависит в вашей судьбе.. господин судья.

БУАССОН. Слушаю, святой отец.

/Уходит. Открывается занавес. Огромный зал суда набит народом. Сен-Поль кончает речь/.

НУНЦИИ. Итак, вы прослушали мою речь и познакомились с документами, обличающими преступления этого богохульника, еретика, вора, насильника и убийцы! И, наконец, последнее! У него есть свидетель, который лучше всех других прояснит дело. Вот этот человек!

ФРАНСУА. /всистоно/ Так!

НУНЦИИ. Вы видите, как завялся этот бандит! Вы видите, какой мукой искажено его лицо!.. Да, Бифон! Это Так! Он был другом Вийона! Он верил ему свою простую доверчивую душу! Он не ждал облава. Он не мог подумать, что ученый человек, который его к себе приблизил, есть исчадие ада, соблаздившее одного из малых сих. Своими лукавыми речами Бифон опутал этого простого человека,

этого истинного француза, как и все вы, сидящие в зале суда Но чистая душа его не выдержала, столкнувшись с грязью души Виона, этого ложного друга бедняков. Никакая ложная наука, никакой сатанинский дар не устоял перед чистой верой этого простого сердца. Сердцем он понял ложь его слов! Сердцем он понял и соблазн его жалких виршей, столь противных французскому духу. Он был слеп - он прозрел! Он болел - и он выздоровел! Он покаялся и Святая церковь простила ему! Спорьте, и он подтвердит мои слова! Спросите, и я не боюсь услышать слово правды!

/Как рыдает/

БУАССОН. Свидетель Марсель. Что вы можете показать по этому делу? Да успокойтесь.

ЖАК. Как же успокоиться, когда такие слова? Когда господин Сен-Поль говорит, слезы так сами и каплют. Не бойтесь святой отец. Не извольте беспокоиться. Я все подтверждаю святой отец. Все сделаю, как вы мне приказали.

/Франсуа хохочет. Общий громовой хохот/

НУНЦИИ. Опомнись, болван, что ты веляешь?

ВСЕ. Ох, не могу!... Все как вы велели...! Ох, господи, умираю!.. Ха-ха-ха.

НУНЦИИ. Когда я тебе велел, опомнись!

ЖАК. /рыдая/ Вчера, ваша милость, в камере...

НУНЦИИ. Он просто глупец! Он не понимает, что он говорит!

/Как перестает плакать/

ЖАК. Как же, ваша милость, не понимаю? Как вы велели все подтверждать, так и я подтверждаю.

НУНЦИИ. Ложь! Он мне сам признался, что Вион его заставил не платить налоги!

БУАССОНУ. Это было?

ЖАК. Было, господин судья.

НУНЦИИ. Вот видите!?

БУАССОН. Расскажи, как это было.

ЖАК. Когда господин епископ взял с нас налоги за восемь лет вперед, тогда Бийон сказал: "Жак, а почему бы тебе не перестать платить этот дурацкий налог?"

НУНЦИИ. Вот видите.

БУАССОН. Что ты ему ответил?

ЖАК. И ответил: "Чорт возьми, Франсуа, как это я сам на догадался?!"

/Общий хохот и рев/

НУНЦИИ. Это ложь! Он съел с ума! Он подкуплен!

БУАССОН. Внимание! Прекратить шум! Свидетель, тебя обвиняют в том, что ты подкуплен.

ЖАК. Это так, ваша милость.

/хохот/

БУАССОН. Тихе! Подумай, что ты говоришь! Кто тебя подкупил?

ЖАК. Господин Сен-Поль!

НУНЦИИ. Это ложь! Он лжесвидетель!

ЖАК. Это правда, ваша милость!

БУАССОН. Что за идиотские шутки! Отвечай, почему же ты решился свидетельствовать против друга?

ЖАК. Так ведь господин Сен-Поль сказал, что приговор все равно составлен. А двадцать экью денег больше.

/Рев. Выкрики/

ВСЕ. Что делают эти люди! А! Что они делают!

НУНЦИИ. Я требую прекратить допрос. Оскорблена римская церковь.

ВСЕ. Долой! Долой!

БУАССОН. Допрос прекращен!

ВСЕ. Долой! Долой!

БУАССОН. Я прикажу очистить зал!

ВСЕ. Долой! Опавдать!

/Вскакивает жена Буассона/

ЖЕНА БУАССОНА. Буассон! Что ты делаешь? Ты губишь невинного!

БУАССОН. Замолчите!

ГОЛОСА. Молодая девочка! Скажи ему еще!

ЖЕНА. Люди! Это мой муж! Он трус! Он продался этому римскому попу!

БУАССОН. Стража, вывести эту женщину из зала!

ЖЕНА. Мерзавец! Можешь не приходиться домой!

НУНЦИИ. Суд удаляется на совещание!

БУАССОН. Незаконно! Ему не дали последнего слова!

ГОЛОСА. Франсуа! Молчи! ничего не говори! Это западня!

Пусть скажет!

Франсуа, скажи этим баранам!

ФРАНСУА. Стоит ли ломать комедию, когда приговор все равно готов заранее? Посмотрите, как бегают глаза у присяжных!

БУАССОН. Предупреждаю вас, вы вредите себе в глазах присяжных!

ФРАНСУА. Я презираю этот суд, где судьба человека зависит не от того, какая у него вина, а от того понравится ли он судье и присяжным! Да в этом ли дело? Вы юристы? Вы ныряете в лучину законов и выныриваете оттуда с монетой в зубах, брошенном богатым убицей! Вы марионетки, и суд ваш - кабак! Повесьте на него ялок соломы!

БУАССОН. За оскорбление суда, я лишаю вас слова!

НУНЦИИ. Пусть говорит! он честно зарабатывает себе петлю!

ГОЛОСА. Франсуа, молчи! Франсуа не губи себя! Мы тебе верим!

ФРАНСУА. Детки! Сейчас это не имеет значения - у них в армане звенит панское золото! Вы просчитались, судьи! Моя популярность растет пропорционально гнусности тех средств, которыми вы меня стремитесь погубить! Ваши полицейские выкрутывают конфискованные у меня стивки и продают их за бешеные деньги!

ГОЛОСА. Франсуа, молчи! Франсуа, ты себя губишь из-за красного словца!

ФРАНСУА. Из-за красного словца? Красное словцо это вся моя жизнь! Красное словцо раскрывает к людям глаза! Красное словцо протыкает надутую ложь, как игла водянку!.. Красное словцо прозвезает живые сердца и обнаруживает каменные! Услышав красное словцо человек говорит "какого черта"!?

Человек говорит "какого черта" этого нельзя и этого нельзя? Человека тошнит! Друзья! Все можно! Нельзя только гризть горло друг другу! Все это чувствуют, и разгибается человек" в скрюченных душах. Я сам лежал с душой скрюченной как копченый заяц! Ах, зайцы, сколько я вас незаконно мострелял в угодьях господина Сен-Поля. Друзья! Стреляйте вы тоже. Я хотел кушать ам-ам и я стрелял! Друзья, если бы вы знали как просто говорить правду и как приятно! Если б все говорили правду им бы не усидеть!

БУАССОН. Ты проповедуешь анархию! Ты изменник!

ФРАНСУА. Ложь! Я нерв! Я душа моего народа! Я - Франция! Я кричу от боли и я пою от радости! Когда я иду по кабакам и пою, распрямляются души, скрюченные как копченые зайцы! Я поэт! На корабле Париза я "вперед смотрящий"! Слушайте! Пусть будут стихи! Вперед гляжу со смертной высоты, С той крестовины мачты, где я распят, я вижу расцветающие зори, земли обетованной бере -

га... Моей прекрасной Франции корабль вливает в замороженную бухту... Матросы опускают паруса... И поднимают бедствия сигнал... Несут на берег бдного Бишьона ... Сам господин судья, рыдая говорит... что он давно в душе меня любил. Что он, того гляди, меня простил бы... Когда бы не обязанность лизать... седалище богини правосудья...

НУНЦИИ. Ты скоморох... продолжай, петля близко...

ФРАНСУА. Я скоморох! Но скоморохи начинают битву!

НУНЦИИ. Какую битву можешь нести ты, жалкий петушок?

ФРАНСУА. Я петух! Но если я кричу, значит скоро конец ночи! Смотри, поп, небо уже серебрянное. Ты можешь свернуть петуху шею, но тебе не остановить рассвет!! Кука—р-реку!!

ВСЕ. Биват Франсуа! Поцады! Помилуйте!

БУАССОН. Я удаляю всех из зала! Стража, очистите зал!

ВСЕ. Долой! Что вы делаете? Проклятые!

/Стража вытесняет всех из зала/

ВС . Проклятые! Собаки!

БУАССОН. Вот ваши стучки ,Сен-Поль! Это вы позволили ему говорить! К дьяволу! Я отказывался вести процесс!

НУНЦИИ? Вы не имете права!

БУАССОН. Я снимаю с себя званье судьи...

НУНЦИИ. С... вот как?

БУАССОН. Да... Так...

НУНЦИИ. Прекрасно. Церковь ведет на себя веденье процесса! Буассон , вы человек конченный!

БУАССОН. И плюю на вас, Сен-Поль.

НУНЦИИ. Запомним. Суд удаляется на совещание.

/За сценой крики. Бой толпы. Камень бьёт в окно. Звон разбитого стекла. Крики резко стихают/.

ГОЛОСА. Король! Король! Помилованье! Пощада!

/Входит король/

КОРОЛЬ. Кто устроил этот балаган? Вы мне головами ответите за этот суд!

/Входит суд. Сен-Поль подбегает к королю/

Кто отдал приказ разгонять народ?

БУАССОН. Я, ваше величество.

КОРОЛЬ. Болван, вы последний раз исполняете вашу должность. А вы, Сен-Поль? Вы хотите, чтобы взбунтовалась чернь?! Как все это во-время!

НУНЦИИ. Ваше величество! Святая церковь не может потерпеть, чтобы Вийон остался наказанным!

КОРОЛЬ. Трудно сказать, что может и чего не может потерпеть святая церковь, но вас, Сен-Поль, и сотру в порошок!

НУНЦИИ. Наместник Христа задичает своего слугу!

КОРОЛЬ. Наместник Христа кинет тебя в башню Ангела, скотина, как я только напишу ему, что по твоей вине появилась новая ересь! Пошел вон! Буассон. Объявляйте приговор.

БУАССОН. Какой, ваше величество?

КОРОЛЬ. Изгнание.

БУАССОН. Впускайте народ.

Явление 6

Франсуа уходит. Его изгнали. Встречаться с ним нельзя. Но в меркнущем свете дня, в бледных сумраках, к серой знакомой стене начали сходиться люди.

- Ты что пришел сюда?

- А ты?

- Ну, ну, тише...

- Вы что здесь собрались? Уходите отсюда!

- Помакивай...

- Остановитесь и ждите.

- Он еще не приходил?

- Нет еще...

- Вот он идет...

/Входит Франсуа и Жак. Люди придвигаются к ним,
открывая Катрину, стоящую у стены/

- Прщай, Виллон. Ты был нам добрым другом.

- Виллон, если придем в Льеж, то равни моего брата Симона
Дю-Понтале и ты всегда будешь иметь кусок хлеба.

/Буассон расталкивает людей/

БУАССОН. Простите меня! Дайте мне проститься! Возьми меня
с собой, Франсуа!..

ФРАНСУА. Куда, плененок? Неужели ты хочешь сопровождать
меня следующие пятьсот лет? Тебе нет туда дороги.

БУАССОН. Что я могу сделать для тебя, Франсуа?

ФРАНСУА. Ты можешь дождаться моей смерти и, издав мои сти-
хи на похоронах.

БУАССОН. Франсуа, я издам твои стихи! Где мне найти тебя,
Франсуа?

ФРАНСУА. По делье прямо... до надписи "Франция"... Я там
живу... Заходи, побеседуем. Идем Жак... Путь дальний... И а-
чинается ветер... Видишь, тучи покрыли черные капитаны за белой
стеной... Ветер ужал пельь вдаль по сухой дороге... Слышу, как
стучат бабмаки по черепу дороги... Эгей! Это твои ножи, кра-
савица. Я иду! Я иду! А душа твоя, Франция! А зовут меня
Франсуа Монкорбье, по прозванию Вийон. Начинается ветер.

Эй, дорога...
Дождь за шиворот течет,
Ветер лица нам сечёт
Эй, дорога...

/Как и Франсуа уходят. Выходит Катерина и идет за ними/.
Люди глядят им вслед и медленно сходятся на дорогу.

З А Н А В Е С